Рейд. Оазисы. «Выход»

Автор:
Борис Конофальский

Рейд. Оазисы. «Выход»

Борис Конофальский

Продолжение приключений уполномоченного Горохова в бескрайней пустыне.

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы. «Выход»

Рейд. Оазисы.

«ВЫХОД»

Глава 1

Солнце едва выползло из-за оранжевых песчаных холмов на востоке, а саранча давно зарылась в песок. Впрочем, саранчи тут немного. Даже стойкая к жаре песчаная тля и то стала прятаться. Искать себе скаты барханов с тенью. Последние термиты хватали тлю, торопились, уносили маленьких блёклых насекомых в свои огромные подземные дома.

Термитники. Они торчали, словно пальцы, над волнами песка, хаотично разбросанные, тянулись до горизонта, большие и маленькие, от двух метров и до шести, такие высокие, что никакой бархан никогда и ни при каком ветре не занесёт выходы для трудолюбивых обитателей этих строений. Горохов Андрей Николаевич осматривается, он знает, что к одиннадцати часам столбик термометра перевалит через цифру «шестьдесят», а к двум часам дня будет семьдесят градусов по Цельсию. Если, конечно, восточный ветер не принесёт от раскалённых гигантских дюн облака. Вот вчера, например, не принёс. И, кажется, первый раз за свою жизнь уполномоченный наблюдал на градуснике показатель, соответствующий семидесяти двум градусам. Принимать воду внутрь при такой температуре = занятие малопродуктивное, если у тебя нет убежища, в котором ты сможешь переждать пекло. Через три часа пей воду-не пей, тепловой удар всё равно накроет тебя сначала волной усталости, а уж потом и тошнотворным, жарким покрывалом безразличия, даже если ты прячешься в тени. А на третьем этапе просто выключается свет и следует потеря сознания. Как выживают в таком пекле дарги, уполномоченный не думал. Дарги. Что о них думать? Они почти животные. Эти существа адаптировалась к таким температурам, от которых люди будут просто валиться на горячий песок и умирать. Пятнистая кожа на ногах этих человекообразных так ороговела, что они спокойно ходят босиком по песку, в котором быстро запекалось мясо. И они, эти пятнистые твари, людоеды и полуживотные, где-то тут, в этой жаре, рождались, вырастали и шли отсюда на север, шли и шли вместе с жарой и песчаными волнами, бесконечным потоком своим оттесняя и оттесняя людей всё севернее и севернее.

Дарги выдерживали эту жару. Даже их дети тут выживали. А вот уполномоченному здесь было очень тяжело. По-настоящему тяжело, даже несмотря на то, что его не совсем нормальный знакомый провёл с ним сложную и длительную процедуру – как Валера это называл, «биомодернизацию».

Дружбан Валера. Фамилии своей Валерик ему так и не назвал. Даже на работу он устраивался под кличкой «Генетик». Валера Генетик, и всё. Так меня и зовите. Странный? Не то слово. Повёрнутый на биологии, вернее, на генетике. И на все добытые деньги покупающий себе самое лучшее оборудование.

Он уверял уполномоченного, что теперь тот будет переносить жару лучше. Лучше? Насколько лучше? Нет, Валерик этого не знал, но знал, что лучше. Генетик частенько нёс чушь и слабо ориентировался в окружавшем его мире. Но… Он каким-то чудом лечил самого себя – и вылечивал от всяких своих

врождённых болезней. Лечил и других, втихаря поднимал на ноги полумертвых людей со страшными, порой смертельными ранами. Причём не брезговал. Вылечивал людишек, которых, по мнению Горохова, лечить и вовсе было не нужно. Уполномоченный также помнил и про то, что Генетик быстро вылечил и его самого после весьма серьёзного ранения. Такое разве забудешь? Помимо лечения людей от тяжёлых ран, которое и приносило Валере основной доход, он делал и другие удивительные и зачастую непонятные вещи… Он называл их опытами.

Но Горохов ко всем этим его талантам относился настороженно, особенно после того, как Валеру выперли из Современного Института Генетики и Общей Биологии за вопиющую некомпетентность. Уполномоченный сам читал об этом отчёт. И самыми яркими словами в том отчёте были: «профанация», «некомпетентность» и даже «мракобесие». Но Валерик был, кажется, рад, что его уволили, он теперь занимался своими делами, создавал на краю города свою лабораторию. Что-то там делал всё время, но и про Горохова никогда не забывал. И всякий раз при встрече уверял, что у него для уполномоченного есть одно улучшение. По сути, Андрей Николаевич был единственным его другом… Скорее, всё-таки приятелем, нужным человеком. Друзей Генетик не заводил, на дружбу у него не было времени, он был слишком увлечён своими исследованиями, в которых уполномоченный ему помогал по мере сил. За что Валера его благодарил как мог. И вот один раз, пока у него было время, – после исполнения очередного приговора у него был отпуск – Валера уговорил его на улучшение. Обещал, что после процедуры Горохов будет переносить высокие температуры не хуже дарга.

– А я пятнами, как дарг, не покроюсь? – сомневался Андрей Николаевич. – Кожа коричневой не станет у меня?

– Нет, – заверял его Валерик, он давно уже не заикался, – только внутренние изменения, на уровне мембран клеток. А улучшение будет очевидным.

Улучшение. Никакого улучшения Горохов, после тридцати шести дней плавания в ванне с биораствором, не почувствовал, а вот мышцы, мышцы за это время заметно ослабли, ушли. И ему показалось, что у него появилась одышка. И ещё месяц, вырванный из жизни. Как не бывало его. Укол в плечо – пробуждение на металлическом столе. Месяца нет.

Но Валера убеждал его, что у него в клетках произошли нужные изменения, что межклеточное пространство увеличилось, и ещё, и ещё что-то, и ещё… В общем, говорил всякие непонятные слова. Можно, конечно, было его и убить, но… Валерик очень сильно изменился с тех пор, как уполномоченный его встретил. Говорят, в детстве он вообще был неходячим инвалидом. А сейчас Генетик был очень даже подвижен и бодр.

Андрею Николаевичу сначала пришлось принять слова Генетика, а потом ещё приводить себя в порядок несколько месяцев. Хотя в его возрасте хорошие физические кондиции давались уже заметно тяжелее, чем раньше.

Эти воспоминания сейчас ему кажутся просто нереальными: Города, прохладные лаборатории, спортзалы и бассейны с водой… Это всё словно из другого мира. А здесь, в этой вселенной, наступает день.

Горохов смотрит на восток, на белое солнце. Оно белое даже через затемнённые и запылившиеся очки. Он делает длинные вдохи через респиратор; воздух, проходя через фильтры, хоть чуть-чуть, хоть самую малость, охлаждается. Не обжигает.

Нет, облаков сегодня точно не будет. Ветра почти нет, барханы за день, до самых сумерек, не сдвинутся ни на метр. Куда ни брось взгляд, везде эти бесконечные, до горизонта, горы, раскалённые пески. Степь. Жуткая жара и песок.

Степь всегда убивает человека, кого-то медленно, изо дня в день, иссушающей жарой и разъедающей тело проказой, кого-то быстрее: тупой, монотонной и бесконечной, ежедневной борьбой за выживание. А кто-то просто не заметит паука на своей одежде или упустит клеща и даст ему углубиться в ткани. А может быть, набредёт на сколопендру или варана. Или просто заблудится, сожжёт весь бензин, выпьет всю взятую с собой воду и умрёт от теплового удара или жажды. В общем, в степи как кому повезёт.

Андрей Николаевич родился, вырос и половину свой жизни провел в степи, он всё, ну, или почти всё, знал о ней, хотя так далеко на юг ещё никогда не заходил. Никогда. И находясь сейчас здесь, он понимал, что ему нужно искать себе убежище. И побыстрее.

Термитники. Кто-то из стариков в его детстве говорил, что термитники уходят в землю иногда на двадцать метров. Кто ж в здравом уме будет это проверять? Ещё говорили, что там, на двадцатиметровой глубине, температура будет градусов двадцать пять, а может, и холодина во все двадцать. А ещё там, скорее всего, будет и вода. Ну, это врали, наверное, но вот если выкопать в плотном грунте рядом с термитником яму в полтора-два метра глубиной и накрыть её тентом, там температура будет на двадцать градусов ниже, чем на открытой местности в тени. А вот это как раз был факт. Именно так Андрей Николаевич вчера и спасался от семидесятиградусной жары. Говорят, термиты создают специальные системы вентиляции, охлаждения, чтобы их яйца не погибали от высоких температур. Может быть. В общем, термитник – это то, что спасёт его и сегодня от страшной полуденной жары.

Короче, нужно было копать. Уполномоченный подошёл к мотоциклу и взялся за лопату, торчавшую из багажной сумки. Кстати, мотоцикл тоже нужно будет уложить на северную сторону бархана, в тень, и забросать песком. Так как резина и весь пластик на мотоцикле от местной жары теряли структуру, разрушались. А значит, работы у него было предостаточно. Нужно было начинать, не ждать, пока от жары шевелиться станет невмоготу. Но начать он не успел. Андрей Николаевич был далеко от передатчика, почти на пределе работы рации, и поэтому из тяжёлой белой коробочки в основном донёсся треск и шипение. И в этом шипении он скорее угадал, чем разобрал слова:

– Второй, второй, слышишь меня? Прием.

Уполномоченный достал рацию из кармана, но сразу отвечать не стал. Это было бессмысленно, он стоял между барханов, принимающая сторона получит только неприятный шум из эфира. Поэтому Горохов полез на ближайшую песчаную волну, но вылез не сразу: чуть поднявшись, достал прицел от револьвера и секунд десять рассматривал через прицел окрестности; за два последних дня он дважды находил коптером следы даргов, возможно, и они видели следы его шин и слышали работу его мотоцикла, так что в этих местах нужно быть начеку.

– Второй, второй, как слышишь, приём? – хрипит рация.

Горохов наконец прячет прицел в кобуру, взбирается на самый верх бархана, разматывает шарф, закрывавший голову от солнца и жары, оттягивает от лица респиратор и нажимает кнопку передачи.

– Первый, слышу тебя. Приём.

– Второй, давай возвращайся. Приём, – доносится из рации. «Первый», кажется, даже обрадовался, что Горохов на этот раз так быстро отозвался.

«Давай возвращайся». Просто и без затей. Если бы «первый» сказал: мы взяли след, мы их нашли или дело сделано, уполномоченный обрадовался бы, но вот это короткое «давай возвращайся» расставляло все точки над «i». Они устали. Лейтенант Гладков и четверо его солдат больше не хотели тут торчать. Здесь, на краю вселенной, в этом пекле, находиться дальше им было просто не под силу.

– Еду, – в это короткое слово Горохов вложил всё своё разочарование, всё недовольство. Он не добавил положенного слова «приём» или заканчивающей фразы «конец связи», уполномоченный просто положил рацию в карман пыльника и стал спускаться с бархана. «Второй» что-то ещё хрипел из кармана, но Горохов уже не мог разобрать слов. Да и не хотел он их разбирать: По фигу, что там лепечет этот лейтенант. Слабак. Андрей Николаевич подошёл к мотоциклу, вернул лопату на место. Достал из коптера аккумулятор и вставил его в паз зарядки. Всё, на сегодня дрон отлетался. Потом развернул нарисованную от руки карту, взял компас, но на всякий случай ещё пару раз взглянул на поднимающееся солнце, прикинул направление движения. Северо-северо-восток. База там. Спрятал карту и компас, вставил обрез ружья в специальный кожух, с правой стороны от руля, чтобы оружие было под рукой в любой момент. Только выхватить и взвести курки.

Двадцать, ну, двадцать два километра по карте, но так как почти весь путь будет лежать поперёк барханов, то по земле выйдет все тридцать. Петлять ему и петлять. Верные два часа езды с большим расходом бензина, и последний час езды придётся как раз на начавшийся зной. Чтобы не останавливаться лишний раз, Горохов берёт из багажной корзины флягу и пьёт теплую воду. Пьёт столько, сколько может выпить. Заматывает голову шарфом так, чтобы шарф лежал и поверх фуражки, натягивает перчатки. Вот теперь можно трогаться в путь.

Солнце всё выше, теперь оно светит справа. Так и будет до конца пути. При езде встречный воздух будет охлаждать, но не сильно.

В общем, он приготовился к утомительной поездке. Андрей Николаевич бросает взгляд на термометр: пятьдесят! Уже пятьдесят, а ведь солнце только в начале пути. Ему лучше поторопиться, он выкручивает ручку акселератора, и мотоцикл набирает ход, оставляя за собой след на песке да облако пыли и мелкого песка вперемешку с тлёй.

Тут, на далёком юге, живности немного. Горохов с удовлетворением отмечал, что здесь почти нет песчаных клещей. В его детстве, которое прошло намного севернее здешних мест, вырезание клещей из-под кожи у детей по утрам было для матерей делом таким же естественным, как утренние процедуры. А тут Андрей Николаевич за неделю, проведённую в степи, нашёл на своей одежде всего двух мерзких насекомых. Да и пауков здесь очень мало. Но кое-кто из мерзких гадов всё-таки ему попадался. Минут через тридцать движения он свернул налево и хотел было двинуться на запад вдоль длинного пологого бархана, собираясь добраться до того места, где снова можно будет свернуть на север, но увидел относительно свежую цепочку знакомых следов: сколопендра. На кого эта тварь тут могла охотиться, он даже не догадывался, здесь же почти пустыня! Птицы тут вообще нет, во всяком случае, уполномоченный не видел за неделю ни одного следа дроф. Что сколопендра тут жрёт, кроме саранчи? Кто-нибудь мог подумать, что сколопендра охотится на даргов. Но это было сомнительно, скорее дарги охотились на неё, чем наоборот. Судя по следам, животное было не очень большое, тем не менее слезать с мотоцикла и искать её, тратить патроны и время, ему не хотелось. Он просто развернулся и поехал на восток, чтобы там, между барханами, найти проход на север. И проехав немного, всего метров двести, он нашёл такой проход. И хорошую, открытую, почти свободную от песчаных волн местность, заросшую степной колючкой, по этой местности можно было спокойно и не меняя то и дело направления проехать на север метров триста до следующей песчаной волны. И тут его внимания привлекло кое-что такое, чего тут, в степи, среди барханов, быть не должно. Померещилось? Нет. Он отчётливо видел нечто чёрное, нечто вертикальное и кривое, что выглядывало их-за длинного, необычного бархана. Ему пришлось остановиться и протереть от пыли очки. Термитник?

Высотой метров шесть, семь, восемь? Ну, допустим, такие бывают. Но вот только такими кривыми их термиты не строят. Да и сделаны термитники из песка, они по цвету мало отличаются от барханов. А то, что торчало впереди, было насыщенного чёрного цвета. И что же это может быть?

Лейтенант и его солдаты ждали уполномоченного. Но Андрей Николаевич не мог проехать мимо того, чего он в степи ещё не видел. И Горохов двинулся как раз в сторону этой чёрной штуки. Поехал медленно, всё время останавливаясь. Всё, что есть в степи, может нести, да скорее всего и несёт, опасность. И чтобы быть во всеоружии, ты, если собираешься здесь выживать, должен всё знать об окружающем мире. Всё знать. Этому его научил отец. В детстве.

Не доехав до чёрного столба, он увидал ещё один такой, только пониже, чуть южнее первого. Андрей Николаевич остановил мотоцикл и, не заглушая двигателя, достал из кармана рацию. Теперь связь должна быть хорошей, расстояние до базы значительно уменьшилось. И он нажал кнопку передачи.

– Первый, первый, вызывает второй, как слышишь? Приём.

Лейтенант отозвался почти сразу, как будто ждал, что Горохов его вот-вот вызовет.

– Второй, я первый, слышу тебя хорошо. Приём.

– Первый, пятнадцать километров на юг от лагеря – какие-то чёрные столбы. Приём.

– Второй, понял тебя, чёрные столбы, юг, пятнадцать километров от базы. Приём.

– Первый. Нанеси на карту точку. Пойду к ним. Хочу их осмотреть. Приём.

– Второй. Принято, нанесу, – в голосе лейтенанта слышится сомнение. – Второй, а тебе оно очень надо? Приём.

Андрей Николаевич не отвечает. Нет смысла болтать. Он бросает рацию в карман и глушит мотор. Прицел от револьвера. Он лежит в кобуре револьвера в отдельном кармане. Его неразлучный друг, не менее близкий, чем сам револьвер. Горохов слезает с мотоцикла и достаёт трубку из белого металла. Поднимается на бархан, не очень высоко. Снимает очки и подносит восьмикратный прицел к глазу. Долго смотрит. И ничего не может понять. Уполномоченный видит торчащие над барханами кривые столбы. Их больше, чем

два, он видит десяток. Некоторые из них заканчиваются разветвлением, и почти все они сужаются кверху. Ему вообще непонятно, что это. Такого он в степи ещё не видел. На всякий случай Андрей Николаевич достаёт из внутреннего кармана дорогой радиометр. Включает его, смотрит на табло, ждёт, пока тот начнёт работать. На севере нормальный фон двадцать пять-тридцать микрорентген; здесь, в этом пекле, прибор обычно показывал и до сорока. Прибор заработал, защёлкал. Выдал на дисплей цифру «сорок два». В принципе, ничего страшного. Жить можно. Но уполномоченный не стал выключать прибор, спрятал его в карман. Ему нужно быть настороже. Местечко-то непонятное.

Глава 2

Нужно было поторопиться. Эти чёрные штуковины, они, конечно, интересны, но солнышко припекает всё жёстче. Поэтому он вернулся к мотоциклу и поехал на восток навстречу солнцу. Барханы как раз удобно лежали с востока на запад, тормозить и петлять необходимости почти не было. Уже через десять минут он был невдалеке от первого чёрного столба. Вернее, от песчаной волны, за которой прятался столб.

Странный и немаленький бархан в пять метров высотой, а местами и до шести, но странен он был не высотой, бывают и десятиметровые волны песка, просто все барханы укладываются всегда по местной розе ветров. Здесь песок лежал волнами с востока на запад. А этот лёг ровно поперёк. И дюны тоже никогда не ложатся против розы ветров. Все это выглядело удивительно.

Он не спеша поднялся на песчаную волну, рядом с которой поставил мотоцикл, и с неё увидел… как из-за этого странного длинного бархана выглядывают корявые, чёрные столбы.

По идее, неплохо было бы запустить коптер, но возиться с ним…

Уполномоченный возвращается к мотоциклу, достаёт из кожуха дробовик и взводит курки. Так спокойнее. Он несколько секунд смотрит по сторонам: небо, песок, ни одного следа на барханах. Тихо. В степи днём всегда тихо. Это ночью степь наполнена звуками. Ну ладно. Уполномоченный идёт к той самой странной песчаной волне, что легла так неправильно и преграждает ему путь, доходит до

нее и не спеша поднимается на гребень. И останавливается. Он никогда не видел ничего подобного. Перед ним пара десятков этих искривлённых, чёрных столбов. Они разбросаны без всякой системы по большой, освобожденной от песка местности. На всей площади, наверное, в пол квадратных километра, нет песка. Совсем нет. Столбы торчат из ровного, как стол, высушенного и твёрдого грунта, на котором ничего больше не растёт. Ни вездесущей колючки, ни кактусов. Даже термитников тут нет. Ни одного, даже мёртвого, нет. Хотя в этих местах их немало.

И всю эту странную картину кольцом окружает не менее странный бархан, который уложился вопреки всем правилам вокруг этой местности, словно стеной отгораживая её от всей остальной пустыни.

Андрей Николаевич, оглядывая эту невидаль, пытается понять, что же это такое. Но ему всё-таки придётся спуститься с бархана на этот твёрдый грунт и подойти к чёрному, с разветвлением кверху, словно у кактуса, столбу. И он делает шаг вниз.

Едва уполномоченный встал ногой на грунт, как у него в кармане что-то отчётливо щёлкнуло. Он сразу узнал этот звук. Забыл про него. Радиометр. Горохов лезет в карман и достаёт его. Ну, так и есть. Тут радиация превысила допустимый предел безопасности: семьдесят два микрорентгена.

«Угу, вот оно как». Ну, пока ещё не страшно, и он двигается дальше, к этой чёрной штуковине.

А радиометр пищит и пищит при каждом его шаге. Он снова глядит на экранчик: девяносто шесть.

«Лучше отсюда убираться». Но он уже подошёл к черному разветвляющемуся столбу. Осталась пара шагов. И только теперь уполномоченный понял, что это перед ним.

Дерево… Горохов знал, что далеко на севере есть много деревьев, там есть целые сады. Персики, яблоки, ещё какие-то плоды, он видел деревья на картинках, с листьями и плодами, но не видел их такими… Обугленными. Уполномоченный, несмотря на беспрерывно щёлкающий радиометр, сделал ещё один шаг вперед и рассмотрел, что на столбе, то есть на дереве, из длинной

трещины, тянущейся сверху и почти до земли, свисала большая и прозрачная капля.

«Не вода, конечно». Это было что-то похожее на жидкий и абсолютно прозрачный силикон. Андрей Николаевич достал из ножен тесак, сделал ещё один шаг к чёрному стволу и уже намеревался поддеть эту каплю на лезвие, но она, словно заметив его, быстро втянулась в щель. Как будто спряталась от него.

«Ишь ты! Неужели живая?»

Он сделал шаг назад, но капля не выкатилась на ствол обратно.

Ему здесь всё было интересно, и этот живой силикон, и деревья, откуда-то взявшиеся в степи, и странный бархан, стеною окружавший это место, но… Он снова взглянул на экран радиометра: сто сорок один! Нет, дальше тут находиться ему не хотелось. Горохов пошёл к мотоциклу, на ходу доставая из кармана рацию. Он должен был передать то, что увидел, чтобы лейтенант написал пояснения на карте. Ну, на тот случай, если уполномоченный не доберётся до базы сам.

***

Он и слушать его не хотел, да что там слушать, уполномоченный наперёд знал, что будет ему говорить лейтенант. Да, Горохов всё понимал: люди измотаны – да. Тепловые удары, солдатам нужна медицинская помощь и отдых в нормальных условиях – кто ж спорит? Воды и бензина уже немного – да. Бензин, конечно, есть, и его хватит на обратную дорогу, ну, в том случае, если не произойдёт ничего неожиданного, в общем, топлива в обрез – и это тоже правда. Всё, всё это Андрей Николаевич знал. Поэтому, когда лейтенант Гладков, крепкий и опытный человек, на вид ровесник Горохова, отвёл его в тень за утёс из красного песчаника, Андрей Николаевич даже респиратор с очками не снял, хотя это было и невежливо. Он лишь размотал шарф, освободив голову. Так и слушал лейтенанта. У него с самого начала операции с Гладковым сложились хорошие отношения. И несмотря на то, что Гладков был всего лишь лейтенантом, а Горохов уже страшим уполномоченным, что соответствовало званию подполковника, Андрей Николаевич допустил общение на «ты», сам был инициатором этого. Так они и общались, хоть и без всякого панибратства.

Но теперь, когда лейтенант стал ему рассказывать, объяснять, что дальше тут находиться со своими людьми он не может, Горохов спросил у него, подчёркнуто переходя на официальный язык:

– Это ваше окончательное решение, лейтенант?

Гладков сразу всё понял, и продолжил разговор уже по форме:

– Так точно, господин старший уполномоченный. Извините, но дальнейшее пребывание на этой широте грозит полной потерей личного состава. У меня из четырёх человек только один боец ещё не получал теплового удара. А люди у меня проверенные. Но даже им нужен отдых. А нам ещё сто двадцать километров по карте, а по степи до Красноуфимска все двести получится, и всё по пеклу. Тут даже ночью под сорок пять. Так что мною принято решение сегодня сразу после заряда выдвигаться к блокпосту Красноуфимск.

Да, всё так и было, до ближайшего оазиса Красноуфимск петлять придётся километров… двести. И то, что ночью в этих местах сорок пять градусов по Цельсию, было правдой, лейтенант ничего не придумывал. Но уполномоченного эти доводы не убеждали. Ведь они здесь в шаге, ну или в двух, от выполнения задания. Два кровавых ублюдка Вовчик Сорока и Юрумка, они тут, рядом, в этой же жаре парятся, скорее всего, без бензина и воды. Вчера перед вечерним зарядом, пока порывы ветра не занесли их, Андрей Николаевич нашёл следы, следы одного человека. Он запомнил, куда они вели, он уже приблизительно знал квадрат, где эти твари могут затаиться.

Ещё день, ну максимум два, и уполномоченный найдёт их. Найдёт и приведёт приговор в исполнение. И тогда все могут ехать домой с чувством выполненного долга. Ехать за наградами. Неужели лейтенант не понимал этого? Горохов же ему докладывал по рации про следы!

Нет, Гладков всё понимал. Просто или не верил, что Горохов уложится в два дня, или уже и вправду не мог больше ждать и рисковать своими людьми.

Уполномоченный наконец стягивает респиратор с лица и несмотря на удивлённый взгляд лейтенанта – как тут можно ещё и курить? – губами тянет из пачки сигарету. Прикуривает и произносит с холодной безжалостностью:

– Имейте в виду, лейтенант, я обязательно укажу в рапорте, что вы пошли на поводу у нижних чинов и свернули операцию в шаге от успешного завершения.

– Есть иметь в виду, господин старший уполномоченный, – сухо отвечает Гладков.

Он уже принял решение и знал, что из-за этого у него могут быть неприятности. Лейтенант к ним был готов. И видя, что он собирается повернуться и уйти, Горохов спрашивает его:

– Сколько у вас осталось бензина, господин лейтенант?

Гладков ещё не понимает смысла этого вопроса и отвечает:

– При полных баках – две полных бочки и одна канистра.

– Четыреста двадцать литров? – Горохов выпускает в раскалённый воздух струю табачного дыма.

– Ну, где-то так. Плюс-минус пять литров, но это не считая того, что в баках, – соглашается лейтенант.

До них доносится звук работающего на холостых оборотах двигателя квадроцикла, его гоняют по такой жаре, так как к нему подключен кондиционер, охлаждающий палатку.

– Ещё вы литров пять сегодня израсходуете на кондиционер, – продолжает считать уполномоченный. – И всё равно топлива у вас хватает.

– До Красноуфимска хватит с избытком, – соглашается лейтенант.

– А с водой что? – спрашивает Андрей Николаевич.

– Воды триста сорок литров. Это не считая личных НЗ, – лейтенант, кажется, начинает понимать, почему Горохов интересуется. – Что вы задумали, господин уполномоченный?

Горохов делает затяжку и отвечает, выпуская дым:

– Оставьте мне шестьдесят литров бензина и двадцать пять литров воды и можете ехать.

– Так вы, что, остаётесь? – удивляется лейтенант.

– Ну, кто-то же должен выполнять задания, – нравоучительно произносит Андрей Николаевич.

Кажется, Гладков не совсем верит в намерения Горохова, он стоит чуть растерянный, не уходит. Теперь ситуация несколько меняется. Одно дело было свернуть поиски бандитов и всем уйти, и совсем другое дело – уйти, бросив высокопоставленного офицера Трибунала в пустыне одного.

Лейтенант мнётся, теперь он не знает, что делать, и Горохов, видя это, делает последнюю затяжку, тушит окурок об скалу, под которой они стояли, и молча идёт к палатке, в которой прячутся от жары солдаты.

По всем правилам степи, палатка не стоит в тени под скалой. Палатка – это тент, что накрывает яму-землянку, вырытую у основания утёса. Там прохладнее, под тент заведён раструб кондиционера, и тихо тарахтевший мотор тяжёлого квадроцикла давал для кондиционера ток.

Горохов откинул полог и заглянул в палатку. Гудел кондиционер, из раструба прямо на флягу с водой дул едва прохладный воздух, неярко горела лампа фонаря. Четверо солдат, мокрые и полураздетые, но с оружием, обложившие себе головы влажными тряпками, сидели, лежали внутри. Только двое повернули головы в его сторону, когда он появился. Двое других даже не открыли глаз. В палатке было заметно прохладнее, чем на улице, но вряд ли там было ниже сорока градусов. Ну, во всяком случае, здесь, внутри, можно было не опасаться теплового удара. Никто из солдат его не поприветствовал, они ещё пару дней назад заводили с ним разговор о возвращении. Первый раз эти люди попали в пекло, когда в тени термометр показывал семьдесят. Конечно, их можно понять, шла вторая неделя, как они мотались по степи, уходя всё дальше на юг, в жару, за пытающимися скрыться бандитами. Но тогда уполномоченный сразу им отказал. И теперь в своих недомоганиях после тепловых ударов они явно винили его. Это нормально. Он и сам бы себя обвинял на их месте.

Уполномоченный закрыл полог плотнее, чтобы зной не проникал под тент, и встал. Взглянул на часы и термометр. Одиннадцать часов без десяти минут, шестьдесят два градуса. Может, сегодня будет не так жарко, как вчера, но жарко будет. До семидесяти к двум часам дотянет. Так что ему тоже будет тяжело, но он не раскисал, как эти… Нужно готовить себе убежище. Он повернулся к стоящему за ним и обливающемуся потом лейтенанту.

– Оставьте мне восемьдесят литров бензина, тридцать литров воды и кондиционер, маленький, на полкиловатта, одноместную палатку. Остального топлива должно вам хватить до оазиса.

Гладков молча кивнул: да, должно хватить, – и спросил:

– А провиант?

– Галет пару пачек, пару кукурузных блоков, штук пять банок фруктов, два кило вяленой дрофы. Ну и хватит.

– Оружие? – спрашивает лейтенант, предварительно кивнув.

– Нет, не нужно, своим управлюсь, – он секунду думает. И прежде, чем Гладков уходит, говорит ему: – Лейтенант, оставьте мне свой разведывательный мотоцикл.

Лейтенант не решается ни спросить, ни ответить, но по его лицу уполномоченный видит, что тот сомневается.

Глава 3

Пережидать зной ему пришлось одному. Ну не проситься же в палатку к солдатам, которые винят его в том, что им тут так паршиво. Искать термитник и копать времени, да и сил, уже не было, пришлось быстро раскинуть палатку у утёса и подключить кондиционер к генератору мотоцикла. Мотор работал на самых низких оборотах, но три литра топлива за шесть часов всё равно сгорело.

Зато ему удалось даже поспать пару-тройку часов. Как только солнце покатилась за горизонт и как только жара стала отступать, лейтенант и его люди стали собираться. Через час, когда солнце ещё не село, они уехали. Уполномоченный без особой теплоты пожелал им добраться до дома без проблем. В ответ Гладков пожелал ему того же.

Всё. Один. Андрей Николаевич даже не стал смотреть вслед уезжающим квадроциклам. У него было полно дел. И все дела важные. В степи не бывает мелочей, а темнеет очень быстро. День – быстрые сумерки – темень.

Едва солнце спряталось, над степью пронёсся дикий и яростный заряд. После ветра пыль осела, и на небо выползла огромная, почти полная луна. Такая яркая, что рядом с нею почти не было видно звёзд. Резкий ветер с песком и пылью, он переждал его в палатке и вылез из неё, когда было уже относительно светло и над барханами привычно застрекотала крыльями саранча. Тогда он залил бак доверху, поставил канистру бензина и канистру воды на багажник. Бросил в сумку еды на сутки. И, чуть подумав, всё-таки взял с собой кондиционер. Всё остальное закопал у одного из утёсов. Там же, в тени утёса, он закидал песком лёгкий мотоцикл, что оставил ему лейтенант. Горохов надеялся, что он ему не пригодится, но если с его мотоциклом что-то случится – мало ли как всё пойдёт… – то этот солдатский транспорт будет его последней и единственной надеждой выбраться отсюда. Нет, не зря он попросил лейтенанта его оставить.

Уполномоченный залез на пологую скалу и стал смотреть на юг, потом на звёзды, потом опять на юг. После этого достал карту, компас и фонарь. Уселся и стал прикидывать свой дальнейший путь, свои действия. Подумав и сделав некоторые отметки на карте, уяснив и решив для себя, как будет действовать, он достал сигареты. Закурил, пряча огонёк в перчатку, курил и смотрел по сторонам. На степь, наполнившуюся шумом, на луну, на россыпи необыкновенно ярких звёзд, засыпавших весь небосвод. Горохов не раз оставался один на один со степью, он не боялся степи, хотя в последнее время пребывание в ней становилось для него тягостным. С возрастом всё труднее было осознавать свою незначительность на фоне бескрайнего океана песчаных волн, на фоне бездонного звёздного неба. Совсем недавно он понял, что ему хочется покоя. Прохлады. Хватит с него белых песчаных волн и кактусов, хватит с него страшной, выматывающей жары, теплой воды и еды пополам с песком. Ему уже хотелось, чтобы на глаза попадались зелёные сады и поля, а не чёртовы барханы. Чтобы в полдень прятаться на веранде дома, а не закапываться в песок под термитник, в надежде пережить середину дня с его семидесятиградусным,

убивающим зноем. Ему давно хотелось к прохладному морю. На север. Впрочем, сидя на камне и разглядывая звёзды, на север не попасть…

Горохов взглянул на термометр. Сорок три? Удивительно, значит к часу ночи тут будет нежарко. Он начал думать, что после полуночи температура упадёт до благостных тридцати восьми. Это, наверное, из-за северного ветерка. Уполномоченный встал. Стряхнул с себя налетевшую пыль и расслабленность приятного безделия. Лирику эту дурацкую, про звёзды, бескрайнюю степь и благодатный север тут же позабыл. Ему нужно было сделать дело. Быстро привести приговор в исполнение и побыстрее убраться из этого ада на север. Андрей Николаевич ещё раз взглянул на юго-запад, уточнил направление. Именно в той стороне он видел следы. Ещё раз взглянул на звёзды – это чтобы лишний раз не вытаскивать компас. И, спустившись с камня, пошёл к мотоциклу. Но перед тем, как двинуться в путь, он быстро съел пачку кукурузных галет и банку дорогого яблочного компота. До рассвета этого должно было ему хватить.

***

Горохов не торопился, не гнал, не жёг понапрасну топливо. Да и работающий на высоких оборотах двигатель дальше слышно. Проехав без остановки пятнадцать километров, он начал останавливаться. Глушил мотор, лез на ближайший бархан: слушал и смотрел. Ночью в степи от крыльев саранчи стоит шелест, лёгкое гудение, это звук насыщенный, легко перебивающий все другие звуковые колебания малой интенсивности, в общем, если рядом кто-то не орёт и не свистит, за шелестом трудно что-либо расслышать. А после заряда, пока пыль не осядет, и видно было так себе. То, что было рядом, при большой сияющей луне ещё можно было разобрать, но вот в оптику почти ничего не было видно. И коптер запускать было бессмысленно. Слишком много контраста. Тем не менее, уполномоченный всё равно останавливался и подолгу осматривался. Но ничего, что могло бы его насторожить, он не видел. Примерно через час Горохов уже добрался до того места, где недавно видел следы. Вернее, до того района, где он их видел. Андрей Николаевич заглушил двигатель, опять влез на бархан, чтобы посмотреть вдаль. Пыль оседала, теперь уже были видны термитники, барханы, камни. Где могут прятаться люди? У камней. Сами людишки могут быть где угодно, в барханах искать себе пропитание, могут прятаться у термитников, но мотоциклы… Мотоциклы и вещи они сложат только в тени утёсов из красного песчаника, а здесь, в предгорьях, их немало. Больше негде. Закапывать всё ценное в барханы они станут вряд ли. Один короткий, даже несильный самум, и все барханы перемешаются, сдвинутся, потом попробуй найди тот, в котором ты

всё спрятал. Хотя – всякое может быть, они напуганы, они устали, они сходят с ума от жары. А за ними гонятся, они могут и глупостей наделать. В общем, Горохов не отбрасывал ни одного варианта. Для него было важно найти этих людей.

Теперь всё нужно делать тихо. Дальше только пешком. Мотоцикл оповестил бы всех присутствующих, что он приехал. Впрочем, может быть, он уже их и оповестил. Треск двигателя перекрывал даже звуки шелеста саранчи.

Горохов спустился с бархана и не спеша, по большой дуге, прячась за песчаными волнами, пошёл к утёсам и длинным дюнам, что опирались на эти камни, тянулись с востока на запад. Андрей Николаевич часто останавливался и, находясь в тени, осматривал те площади, что были освещены. Искал следы и даже принюхивался: вдруг запах бензина или табака почуется? Нет, ни следов, ни запахов, ни звуков. Саранча и свежий, после заряда, песок. Так он и добрёл до утёсов и стал по длинному отлогому скату дюны подниматься к камням. Шёл с тёмной стороны, на обрезе уже взвёл курки. Но зря. Когда поднялся, стал искать, хотел найти хоть какое-нибудь подтверждение присутствия людей. Но ничего не нашёл. Он даже немного разрыл песка под камнем, в том месте, в которое сам закопал бы вещи, реши он тут остановиться. Но нет. Ничего. Даже намёка на присутствие людей тут не было. Если бы не приятная прохлада, которой он наслаждался, Андрей Николаевич даже расстроился бы. Он хотел сесть и покурить, но тут луна, поднявшаяся уже достаточно высоко, осветила местность, которая находилась восточнее утёсов.

Это была плоская возвышенность. А возвышенности в степи не заметаются песком. Через них не ходят барханы. И там растут растения: колючка и кактусы. И эта возвышенность как раз была покрыта разнообразной растительностью. Любимые места варанов. Очень не хотелось бы ему встретиться с какой-нибудь вечно голодной, шестиметровой, но быстрой ящерицей, которую не убить с одного выстрела. Чуть подумав, уполномоченный решил, что здесь, в этом пекле, рептилии просто не вырасти до таких размеров, ей здесь просто нечего жрать. Так он подумал и пошёл в сторону возвышенности.

Часть пути пришлось идти по открытой, освещённой местности. Очень неприятная была часть пути, в синем свете луны его чёрный контур был идеальной мишенью. Но, слава Богу, он быстро преодолел ее и поднялся на заросший холм. Зашёл и сразу понял, что шёл он сюда не зря. Во-первых, тут нет варанов – слишком много отличных, целых кактусов. Вараны сожрали бы их,

несмотря на колючки, в первую очередь. Во-вторых – это бросилось в глаза – обломанные алоэ. Этот кактус можно считать условно съедобным, его молодые побеги можно есть, они очень горькие, горечь – защита от саранчи и тли, но в них есть и сахар, и влага. Так что, если припрёт, будешь жрать горькое, никуда не денешься. И кто-то их тут ел. А ещё… Он заметил, что у кустов колючки верхние длинные побеги в паре мест сломаны. Белые, с длинными шипами и твёрдые, как пластик, ветки степной колючки люди есть, конечно, не будут. Вараны жрут и колючку, но они жрут её неизбирательно, снизу. А кто мог обломать верхушки? И только верхушки. Горохов идёт к тем кустам, приседает, смотрит на песок. Нет, следов он не находит. Но он снимает перчатку и рукой ворошит верхний слой песка. И вот оно, ещё одно подтверждение его правоты…

Саранча в степи повсюду, она лакомая добыча дроф, козодоев. Ее жиром и протеином не брезгают ни сколопендры, ни мелкие вараны. Но вот только одно существо не глотает это насекомое целиком. Человек не ест ни голов – в них слишком твёрдые жвала, – ни крыльев, ни длинных жёстких ног. В них мало калорий, да и вкус они портят. А Андрей Николаевич нащупал в песке именно головы и ноги саранчи. Он понял по обломанным верхушкам колючки, что тут были какие-то люди. У этих людей была сеть для ловли саранчи, у всякого, кто соприкасается со степью, такая всегда имеется, а вот штанг, чтобы ставить сеть на бархане, они не взяли. Они растягивали сеть прямо на кустах колючки. А потом, снимая её впопыхах, обломали концы. Впопыхах? Они куда-то торопились? Почему? Возможно, увидели или услышали его – уполномоченного. Горохов надеялся именно на этот вариант. А то, что они были тут недавно… Он в этом не сомневался, песок только-только припорошил остатки саранчи. То есть, они обгрызали насекомых прямо перед вечерним зарядом. Они были тут сразу после заката. Это порадовало уполномоченного. Он не зря не поехал с лейтенантом, не зря остался. Андрей Николаевич встал и начал осматривать степь. У утёсов их нет, они тоже не дураки. Термитники. Где-то у одного из них эти люди выкопали себе нору. Но тут этих термитников… Уполномоченный даже считать не стал. Десятки. Обходить каждый из них – верный способ нарваться на неожиданную пулю. У него было вдоволь воды, вдоволь бензина и провианта. Ещё и палатка с кондиционером на базе имелась. В общем, он готов был подождать. Теперь, понимая, что его могут заметить, он двигался только пригнувшись. Горохов нашёл себе место, ложбинку между большими кустами колючки, аккуратно, чтобы не демаскировать себя, предварительно осмотрел её при помощи фонарика на предмет пауков и расположился в ней. Пауки в зарослях встречаются нечасто, а вот клещи… Это их территория. Андрей Николаевич был уверен, что этой мерзости тут навалом, поэтому проверил свою одежду, всё ли застёгнуто, поднял воротник, замотал сверху шарфом. Не дай

Бог, эта мерзкая тварь проберётся под одежду. Особенно плохо будет, если она прокусит кожу на спине или где-нибудь там, где уполномоченный без чужой помощи не сможет ее вырезать. На этой широте, где нет людей, это будет равносильно… Ну, наверное, смерти. Лёг. В общем, он не знал, появятся ли здесь бандиты, но собирался их тут подождать. Ночь или даже две. Утром он погоняет коптер, в надежде найти следы, потом уедет на базу, переждать под кондиционером жару, поесть и выспаться. А вечером вернётся сюда, снова искать коптером следы, а ночь провести в весёлой компании местных паукообразных-кровососущих.

Он лежал почти не шевелясь, только время от времени тихонечко проводил руками по одежде, там, где мог, куда доставал. Профилактика против клещей. Смотрел, как по небу плывёт луна. Жарко ему не было, с севера дул ветерок, и, как он и предполагал, температура опустилась ниже сорока. Термометр показывал тридцать девять в два часа ночи. Значит, может быть, что к утру опустится ещё на пару градусов. После того как Андрей Николаевич выпил немного воды из своей фляги, ему захотелось курить. К сожалению, этого делать было нельзя, и даже не из-за огонька сигареты, его-то как раз можно было спрятать, а вот запах дыма спрятать было невозможно. Если кто-то из бандитов не курит, в степи этот необычный запах он почувствует на большом расстоянии. Тем более, если пойдёт с подветренной стороны.

Горохов умел бодрствовать не клюя носом, даже когда устал, а сейчас он был вполне бодр. Поэтому сразу, едва повернул голову направо, заметил суету на юго-западе. Нет, он не ошибся, хоть луна и проделала большую часть пути и уже уплывала в сторону горизонта, света было ещё предостаточно. Он заметил маленькую фигурку, которая всего на секунду возвысилась над одним из барханов. А потом тут же свалилась вниз.

«Неужели дарги?». Горохов, не думая, сразу отложил в сторону обрез и потянул из кобуры револьвер, заодно и оптику к нему.

Дарги – худший из всех вариантов, что мог случиться. Уж лучше бы клещ забрался ему под кожу между лопаток.

Глава 4

Андрей Николаевич быстро поставил прицел и затянул крепление на револьвере, поудобнее прилёг, опёрся на локоть. Поднёс оптику к глазу. Посмотрел в неё пару секунд: это, конечно, не то, что днём, но света от луны ещё хватало. Вот только больше ничего не происходило. Но нет, он не мог ошибиться. Ему не померещилось. Он никогда не допивался до такого состояния, чтобы мерещилось, и полынь с молодости не пробовал. Уполномоченный был трезв и внимателен. Он оторвался от прицела и уже смотрел, что называется, невооружённым глазом, но всё равно не видел никакого движения. Андрей Николаевич стал даже немного волноваться. Он аккуратно, чтобы не обнаружить себя, обернулся назад.

Дарги – большие мастера войны в степи, один будет перед тобой плясать на барханах, привлекая твоё внимание, как раз в то время, когда другой будет оббегать тебя, чтобы выскочить во фланг или тебе за спину. Уполномоченный волновался не зря. Так, на песке за его спиной, не хуже подробной карты, на его присутствие здесь и на его местопребывание указывала цепочка его собственных следов. Ему необходимо быть очень внимательным. А лучше уйти отсюда к мотоциклу. Он всё ещё оглядывался по сторонам. Да, Горохов находился на возвышенности, был укрыт кустами колючки и готов был стрелять. Но… Следы.

Если тут появились дарги… Плохо… Они будут обшаривать округу, выносливости им на это хватит, и найдут его следы. Днём, как бы легко они ни переносили жару, всё-таки их активность заметно снижается. Их можно обнаружить коптером, найти их следы и избежать встречи с ними, но теперь… Скорее всего, ему придётся уйти. И побыстрее. Добраться до мотоцикла и отъехать километров на пять-семь на север. Запустить дрон. Разобраться, что к чему. Если в этом квадрате и в самом деле обнаружатся дарги, даже просто их следы, можно будет считать, что задание выполнено. Бандиты мертвы и, скорее всего, сожраны. И с чистой совестью ехать домой, а дома указать в рапорте, что загнал приговорённых на территорию кочевья дикарей. Инспектор, скорее всего, согласится с тем, что приговор приведён в исполнение. В общем, Андрей Николаевич уже привстал и тут же услышал отчётливый хлопок. Выстрел. Звук донёсся с юга. Горохов лёг обратно. Нет, скорее всего, стреляли не по нему, но… Он снова поднёс оптику к глазу… Стреляли из пистолета. Так что стреляли точно не по нему, и стреляли не дарги. Те не уважают такое оружие. Дикари предпочитают винтовки. Но сколько уполномоченный ни вглядывался в серые от света луны барханы, ничего он рассмотреть не мог. Пока не услышал ещё два хлопка. Точно пистолет. Теперь ещё ближе. И лишь после этого он увидел

чёрную фигуру человека, которая двигалась прямо к нему, к этой возвышенности, на которой лежал Андрей Николаевич. Человек, не дарг, шёл, торопился, оглядывался по сторонам то и дело. Вот только шаг у него был нетвёрд. Человек явно был несвеж. Это было особенно заметно, когда он взбирался на барханы: лез наверх с трудом. Видно было, что он устал.

Ну, и вот они. С запада, из-за высокого бархана, выскочили сразу две фигуры. Одежды и обуви нет, круглые шапки жёстких волос, винтовки у обоих. Даже в этих диких местах нашёлся кто-то, кто продал им оружие. Они спокойно, рысцой, побежали наперерез усталому человеку. Дарги уже не особо стеснялись, чувствуя лёгкую победу, первый из них даже заголосил, гортанно и противно:

– Дарг-дарг-дарг-драг…

Человек обернулся в их сторону и, не целясь, выстрелил из пистолета. И ещё быстрее пошёл, почти переходя на бег, к той возвышенности, на которой находился уполномоченный.

«Двести метров до цели. Потратил патрон. Дебил», – констатировал Андрей Николаевич. Он понял, что уходить поздно; к сожалению, ему придётся поучаствовать в этом мероприятии. Горохов взвёл курок на револьвере и, уже не думая про клещей – теперь было не до них, – лёг поудобнее. Нашёл хорошую точку для локтя. Стал ждать. А человек почти дошёл до возвышенности, бежать он не мог, был измотан, тем не менее, он на каждом шагу оборачивался, смотрел на преследователей. А Горохов, уже переживая за него, шептал негромко:

– Патроны не трать.

Человек патроны не тратил, теперь он, прилагая усилия, спешил к зарослям на холме, как к последнему укрытию. Дарги бежали, как всегда, легко, свободно перепрыгивая через небольшие барханы, они его хоть и догоняли, но им уже было ясно, что он спрячется от них на холме. И когда человеку до подножия холма оставалось метров двадцать, один из даргов, тот, что поплотнее, поднял винтовку и, почти не целясь, сразу выстрелил.

Дарги стрелять умеют. И опять над степью разнеслось это их мерзкое: дарг-дарг-дарг…

Человек заматерился и рухнул на песок, перевернулся на спину и подтянул к себе колено, обнял его и продолжил осыпать даргов отборными ругательствами. Его не убили, с ним решили поиграть, а он решил продолжить свою борьбу, несмотря ни на что, и теперь на карачках пополз в сторону холма. Спрятаться, спрятаться, во чтобы то ни стало. Там, на этом плоском холме, в зарослях, он сможет им дать отпор. Но дикари быстро догнали его. И он остановился у самого холма. Повернулся к ним лицом и поднял было пистолет… Но не выстрелил, не успел, дарги продолжили играть с ним, ему выстрелили в руку. Он снова заорал и завалился на бок, причитая и проклиная дикарей. А один из даргов, тот, что был потоньше, подбежал к нему, схватил и откинул прочь пистолет, стал прыгать рядом и орать, а заодно, повизгивая от удовольствия, бить человека прикладом винтовки. Они вели себя здесь как победители, как хозяева. Но их было всего двое. Уполномоченный ещё раз огляделся и больше нигде других дикарей не увидел. В принципе, Горохову всё было ясно. Человек был не жилец. Других людей, кроме бандитов и отморозков Сорокина и его подельника Юрумки, тут быть не могло. Люди в этих широтах не живут. А значит, половину его задания уже выполнили за него. Но только половину. Где-то должен быть ещё один бандит. Его тоже нужно было найти. Вернее, желательно найти. Уполномоченного никто не принуждал рисковать собой, наоборот, им по инструкции запрещалось излишне рисковать собою ради приведения приговора в исполнение. При высоком риске им рекомендовалось уходить. Уполномоченные – товар редкий, штучный. Таких людей берегли. Вот и теперь, его миссию и комиссар, и инспектор посчитали бы успешной. Но Андрею Николаевичу смерти одного бандита из двух было мало. В приговоре было два имени. Два. А второго он тут не видел.

Можно было отсидеться, подождать, пока дарги уйдут. Но медлить уполномоченный не хотел. Может, дикари сядут тут дожидаться утра или ждать, пока песок не раскалится, чтобы на этом раскалённом песке потом зажарить человека. Ну и помимо этого, он просто не хотел упускать такой возможности. Горохов поднял револьвер, прицелился и выстрелил.

Бах…

Двадцать метров, цель неплохо освещена: плотный, крепкий дарг сразу рухнул на песок, а второй, ловкий, сволочь, моментально сообразил, что дело дрянь, и с визгом кинулся в сторону. Теперь Андрей Николаевич почти не целился, стрелял, чуть приподнявшись с локтя.

Бах…

Этот выстрел был не так хорош, как первый, но цели он тоже достиг, худой дарг чуть споткнулся, выронил винтовку, и прежде, чем он снова побежал…

Бах…

На этот раз Горохов успел поймать цель. Худой со стоном рухнул на маленький барханчик. Мордой в песок.

Стало тихо. Совсем тихо. Звёзды снова сияли на небе. Луна ползла к горизонту. Прямо на очки уполномоченному села мелкая саранча. Он смахнул её и машинально полез в патронташ, достал из него три патрона, откинул барабан револьвера и стал высыпать из него на землю пустые гильзы. Он ещё не перезарядил оружие, а уже услышал снизу хриплое:

– Эй, друг… Слышишь?

– Слышу, – отозвался Андрей Николаевич и встал.

Он прошёл сквозь заросли колючки, обошёл кактусы с их страшными иглами, остановился на свободном от растительности месте, снял с головы фуражку, встряхнул её, хлопнул ею о рукав и после стал фуражкой отряхивать пыльник, рукава, грудь, низ…

– Друг, – донеслось снизу, – а ты кто?

– Ты знаешь, кто я, – сухо ответил Андрей Николаевич.

– Уполномоченный, что ли…, – догадался человек под холмом.

Горохов отвечать не стал, времени у него было мало: обычная семья даргов – это пять-шесть мужчин-воинов, он убил только двух. Где-то в округе бродят остальные. И, возможно, они слышали выстрелы. Выстрелы револьвера отличаются от выстрелов винтовки. Они могут заинтересоваться. Тем не менее, уполномоченный снимает с себя пыльник и одной рукой – во второй он держит обрез – хорошенько встряхивает одежду. Ему очень не хотелось бы свалиться с

температурой под сорок после того, как клещ влезет под кожу.

– Друг, – продолжает человек, – воды дашь? Есть у тебя вода?

Горохов молчит, он наконец надевает пыльник и спускается к раненому, подходит осторожно, вдруг у того есть ещё оружие, но видит, что одна рука у человека разбита пулей, а второй он пережимает разорванные сосуды, чтобы не истечь кровью, но из его перебитой ноги кровь всё равно течёт. Андрей Николаевич достаёт фонарик, светит раненому в заросшее и грязное лицо и говорит удовлетворённо:

– А, господин Сорокин. А где второй, где подельник Юрумов?

– Нету Юрумки больше, – говорит бандит с горечью. И Андрей Николаевич чувствует острый запах полыни. – Сожрали Юрумку, дружбана моего, эти падлы… Животные.

– А как вы тут выживали целую неделю? – спрашивает Горохов.

– На полыни, – отвечает ему Сорокин, он тяжело дышит. – Яму у термитника выкопали и полынь ели. Ну так что, дашь воды? А?

– М-м… На полыни, ясно, – уполномоченный понимающе кивает. И продолжает: – Воды я тебе не дам, она тебе без надобности. Я тебе могу зачитать приговор по всем правилам, если хочешь.

– Да на хрен он мне, твой приговор, – морщится бандит, на его разбитую руку страшно смотреть, чёрное месиво из костей и тканей. Бандиту, конечно, очень больно, Горохов даже удивляется, что он не орёт, как резаный, но потом до него опять долетает терпкий запах полыни… Ну, на полыни терпеть можно…

– Не любишь официоз? Понимаю… Но я быстро, так сказать, тезисно, в двух словах… Короче, за убийство тринадцати человек, среди которых было два ребёнка, в оазисе Южный Ком, за многочисленные разбои и убийства старателей и за поставку даргам оружия и боеприпасов Трибунал Чрезвычайной Комиссии приговаривает тебя, Сорокин, к смерти, и я, старший уполномоченный Горохов, мандат сто шестьдесят, прибыл привести приговор в исполнение. Номер ордера

и текст приговора… Ну, я думаю, тебя сейчас это не очень интересует.

Стрелять Андрею Николаевичу не хотелось: патроны – раз, шум – два, и он потянул из ножен тесак.

– Стой, стой, Горохов, обожди…, – захрипел бандит.

– Ну начинается, – уполномоченный поморщился. – С вами, сволочами, каждый раз одно и тоже.

– Да подожди ты.

– Не торгуйся, сдохни, как и жил, лихо…, – Горохов уже вытащил тесак.

– Секунду дай. У меня есть информация.

– Ну ладно… Секунда пошла, говори. Но имей в виду, ни воды, ни сигарет я тебе не дам.

– Да ладно, не надо мне сигарет, слушай…

– Ну…

– Я слыхал, что уполномоченный не убьёт приговорённого, если тот даст ему информацию. Важную, важную… Слышишь? У меня есть важная информация, – говорил бандит, потряхивая своей раскуроченной рукой, с которой капали и капали чёрные капли.

– Любопытно… И какая же это важная информация? Даже представить себе не могу, что это должна быть за информация, чтобы я такого, как ты, помиловал.

– Это важная информация.

– Ты давай, не тяни, мне уже пора отсюда сваливать, тут скоро родственнички этих, – Андрей Николаевич кивает на труп дарга, – появятся.

– Я скажу, но ты пообещай, – просит его бандит.

– Ничего я тебе обещать не буду. Скажешь мне, где закопал пару кило меди, а я тебе пообещаю жизнь – нет, так не пойдёт.

– Нет, нет, это и вправду ценная информация.

– Объясни, в чём её ценность.

– Я тебе скажу, кто оплачивал оружие для даргов.

Горохов задумался. А вот это было действительно интересно, и чуть погодя уполномоченный произнёс:

– Хорошо, говори.

– Обещаешь не убивать? – хрипел Сорокин.

Андрей Николаевич глядел на этого убийцу, беспредельщика и конченую тварь с изуродованной рукой и с разбитой пулей ногой. Сейчас он беззащитен, без воды, без оружия, в этом ужасном месте, где через двенадцать часов он просто поджарится на песке. Глядел на него Горохов и удивлялся его желанию хоть немножко, но ещё пожить.

– Ладно, обещаю. Давай уже, говори, – наконец произносит уполномоченный.

– У меня… У нас-то денег никогда не было, чтобы целую партию оружия купить, – оживился бандит. – Смекаешь?

– Давай-давай, не тяни.

– Говорю же, денег у меня не было, чтобы оружие покупать для даргов. Я его только перевозил.

– А кто заказывал?

– Тип один из Полазны. Кроха его звали.

– Звали?

– Да, он делся куда-то. Я его всего пару раз видел.

– Ну всё, дальше не рассказывай, – Горохов хотел уже заканчивать разговор.

– Да, подожди ты…, – взмолился Сорокин. – Я ж не про него.

– Давай, только побыстрее.

– Так вот, он… этот Кроха, он нам назначал, где брать ящики в степи и куда их отвозить, мы денег-то никогда не видели.

– Он просто говорил вам точку в пустыне, где лежит оружие?

– То-то и оно, а потом говорил, куда его отвезти.

– И он вам потом просто платил за работу.

– Нет, ты послушай меня…, – Сорокин тяжело дышал. – Я ж говорю, не он. Платила нам баба одна из Серова.

– Что за баба? – уполномоченный присел на корточки рядом с ним.

– Алевтина, она хозяйка заведения «Прохлада», кабак такой у неё там, недешёвый. Девки приличные, полынь, бухло, всё такое…

– То есть вы делали работу, а за деньгами ехали в Серов? К этой Алевтине? А она знала, за что вам даёт деньги? Догадывалась, кто вы? И на чём зарабатываете?

– Да откуда же мне знать. Мы просто приезжали, заходили к ней, и она уже всё знала, ничего не спрашивала, вываливала нам лавёхи по-честному, сколько положено. Но потом, когда Кроха этот пропал, нас нашёл другой человек, Керим его звали… И всё было то же самое, стал нам давать координаты с оружием и

говорить, куда его отвозить. Но…, – тут бандит замолчал.

– Ну, чего? – поторапливал его уполномоченный, ему не терпелось уже убраться отсюда.

– Деньги за дело нам снова платила эта Алевтина. Вот, понял? – наконец произнёс бандит. – Ну что, хорошая информация?

– Хорошая, – сказал уполномоченный и поднялся.

– Так ты мне помощь окажешь? – спросил его бандит с надеждой.

– Помощь? Какая ещё помощь? – Горохов спрятал тесак в ножны. – Насчёт этого договора у нас не было, я обещал тебя не убивать, я своё обещание выполнил. Спасать тебя, урода, я не буду. – он достал пачку с сигаретами. Но закуривать не стал.

– Помоги мне! Слышишь, эй… У меня есть деньги!

– У меня тоже есть деньги, – заметил уполномоченный.

– Хоть воды дай.

– Лишней воды у меня нет. Да и тратить воду на того, кто жрёт полынь, всё равно, что в песок её лить, – Горохов оглядывался, так и не решаясь закурить. А потом пошёл к мотоциклу.

– Бинты, хоть бинты дай! – орал ему вслед Сорокин.

– Они тебе не помогут. Тебе руку ампутировать нужно. Под бинтами ты себе только гангрену заведёшь. Она под бинтами за пару часов образуется.

– А воды, воды дай напиться, – хрипел из последних сил бандит. – Напиться дай! Слышишь, падла! Я ж тебе информацию дал…

Но Андрей Николаевич уже не слушал его, он по пути нагнулся и поднял пистолет Сорокина. Разрядил его и положил в карман. Нужно было уходить, но уполномоченный не мог уйти, не сделав этого. Он обыскал поясные сумки даргов, забрал оттуда патроны. Девять штук. Потом собрал их винтовки, вытащил затворы и пошёл к мотоциклу. По дороге нашёл камень и об этот камень разбил винтовки, разломал, помял винтовкам казённики. Затворы он выбросил в барханы потом, уже когда ехал. Он с детства усвоил одно из главных правил степи: не оставляй ни оружия, ни патронов врагу. И с тех пор неукоснительно ему следовал. А про бандита Сорокина, оставшегося валяться на песке в одиночестве, уполномоченный больше и не вспомнит до самого дня написания рапорта об этом деле.

Глава 5

Первый отчёт в Отдел он сдал сразу, даже не переодевшись, по приезду в Березняки. Бушмелёв Евгений Александрович, массивный седеющий человек с тяжёлым взглядом, один из комиссаров Трибунала и по совместительству начальник Отдела Исполнения Наказаний, долго его пытать не стал. Сам в прошлом уполномоченный, он видел, что это дело далось Горохову нелегко, и только сказал, повертев в руках бумаги:

– Мало написал.

– Я всё изложил… Тезисно. Всё равно после совещания будете изводить меня писаниной.

Начальник отдела заинтересовался чем-то, даже очки надел, почитал и, взглянув на уполномоченного поверх очков, спросил:

– Так этот лейтенант бросил там тебя одного?

Горохов молча кивнул.

– Дело пахнет трибуналом. Причина?

– Да испеклись они там, – отвечал Андрей Николаевич. – Я всё на первой странице написал, что температуры были экстремальные. Я зафиксировал семьдесят два градуса. У людей Гладкова начались повальные тепловые удары, они перестали ему подчиняться. А этот лейтенант… Он и сам на ногах еле стоял, – Горохов махнул рукой. – Да и хорошо, что они уехали, а то мне бы и с ними ещё пришлось возиться, меня же потом, после того как я нашёл Сорокина, дарги по барханам гоняли. Пришлось десяток километров лишних проехать, пока оторвался от них.

– Но он оставил тебя в степи одного, – это в устах комиссара звучало очень значимо.

– Я написал об этом только потому, что в рапорте положено упоминать всё, что произошло, – произнёс уполномоченный, ему не очень-то хотелось всех этих разбирательств, трибуналов, там пришлось бы присутствовать, свидетельствовать. Да и этот лейтенант Гладков был неплохим солдатом, по большому счёту.

– Андрей, я вижу, что ты этого не хочешь, но я дам делу ход, – сказал Бушмелёв, всё ещё глядя поверх очков на уполномоченного, – не забывай, ты олицетворяешь закон, демонстрируешь неотвратимость наказания, а они должны были тебя защищать и помогать тебе. Вместо этого бросили тебя одного в экстремальной ситуации, как это прикажешь трактовать? Как назвать их поведение?

– Лейтенант предлагал мне уйти с ними, я отказался, – сказал Горохов, чуть подумав. – Это я принял решение.

– Что, им действительно было так плохо? – начальник Отдела снял очки и положил их на стол перед собой.

– Да, им было паршиво, – подтвердил уполномоченный.

– А тебе? – взгляд Бушмелёва пристальный, в его вопросе слышится подтекст, который Горохов поначалу не может прочитать.

И он просто пожимает плечами:

– Ну, я-то в степи вырос. Хотя семьдесят это даже для меня многовато.

– Семьдесят – это для любого многовато. Это температуры за пределами существования человека, – говорит Бушмелёв и продолжает уже без всяких полунамёков: – А может, ты такой стойкий после того, как твой друг Валера провёл с тобою какие-то процедуры, и ты стал лучше переносить высокие температуры?

– Я никаких особых перемен в себе не заметил, – отвечает Андрей Николаевич. Он понимал, что о его делах с Валерой, в Отделе рано или поздно узнают, поэтому не удивился. Просто теперь всё встало на свои места. Уполномоченный продолжил, чуть подумав: – Думаю, ерунда это всё, послушал его, видел, что он себя-то вылечивает всё время. А на самом деле…, – Горохов пренебрежительно махнул рукой. – Не зря же его из НИИ выгнали.

–Угу… А улучшений после тех процедур… не заметил, значит? Ну ладно, – сказал Бушмелёв и сразу продолжил объясняюще: – У нас тут неделю назад тоже было пятьдесят семь. Но потом подул северный ветер, и немного отпустило, – тема на первый взгляд была закрыта, но Андрей Николаевич знал своего начальника много-много лет, он понимал, что тема не закрыта, она всего-навсего отложена, и комиссар ещё к ней вернётся. А пока он опять листает бумаги. Снова надевает очки. – А Сорокина, значит… Приговор ты в исполнение не привёл?

– У него рука только под ампутацию, и в голени перебита кость, воды нет, оружие я уничтожил, температура на следующий день едва не дотянула до семидесяти, дарги были рядом, короче, он был не жилец. За него я вообще не волнуюсь, а вот за дружка его… Останков костей Юрумки я не видел, – пояснил уполномоченный. – А Сорокин однозначно труп. Там и целому человеку долго не выжить, а уж раненому…

– Ну а полученная информация того стоила?

– Надо проверять, – уклончиво ответил Горохов. – Какая-то баба Алевтина где-то на краю цивилизации содержит кабак и оплачивает услуги поставщиков оружия.

– А где это её заведение? – уточняет комиссар.

– В Серове.

– В Серове. Ну конечно. Где-то за горами, – констатировал Бушмелёв.

– Я уже по карте прикидывал… Три дня пути, если в объезд, – подтвердил Горохов.

– Слушай, Андрей… Зайдёшь к Поживанову, расскажешь ему эту историю? Я ему, конечно, записку сооружу, но ты лучше сам зайди, так быстрее будет.

Поживанов Сергей Сергеевич тоже был комиссаром Трибунала и руководил Отделом Дознания, его кабинет был через пару дверей от кабинета Бушмелёва. И отношения с Поживановым у уполномоченного были доверительные, хорошие. Поэтому Горохов сразу согласился:

– Зайду.

– Ладно, тогда отдыхай, на совещание тебя приглашать не буду, если у кого-то появятся вопросы, потом вызовем, заскочишь – ответишь.

– Отлично, – кивнул уполномоченный.

– Давай, – не вставая, начальник Отдела Исполнения Наказаний через стол протягивает руку Горохову.

Тот молча жмёт тяжёлую и крепкую руку и выходит из кабинета.

«Не поздравил. Ну, этого и стоило ожидать. Исполнений не было. Трупов не было. Одни приговорённый, со слов дружка-бандита, съеден, второй вообще живой оставался. Так что это вполне естественно. Короче, всё будет ясно после совещания комиссаров», – так думал уполномоченный, выходя в прохладный коридор. Но у него не было сомнений в том, что этот приговор ему зачтут как приведённый в исполнение. Он был на хорошем счету, и его слово никто и никогда не поставил бы под сомнение. Ну а выговаривать ему за им принятые решения бессмысленно… Так как уполномоченный является лицом процессуально свободным, он, и только он на месте решает, приводить приговор в исполнение или есть смысл с этим повременить, поменять на важную информацию, например.

В общем, Горохов не волновался, он был расслаблен, он был у себя дома, поэтому спокойно достал сигареты, закурил и, пройдя по пустому коридору до нужной двери, без стука открыл её и оказался в приёмной, где за столом сидел молодой парень, имени которого Горохов не знал. А вот парень уполномоченного знал: сразу встал, поздоровался и спросил:

– Господин старший уполномоченный, вы к Сергею Сергеевичу?

– Да.

– По личному?

– Нет, по важному делу.

– У него посетители, но я сейчас спрошу.

Молодой человек приоткрыл дверь и, не заходя в кабинет, а только засунув туда голову, сказал:

– Сергей Сергеевич… К вам старший уполномоченный Горохов.

– А ну, зови его сюда, – сразу ответили ему. И в кабинете задвигали стульями, и навстречу уполномоченному вышли три оперативника. Горохов их всех знал, они улыбались друг другу, жали руки, перебрасывались ничего не значащими фразами, а на пороге уже стоял щеголеватый, в лёгком, почти белом костюме невысокий человек с большими залысинами. Он улыбался уполномоченному, обнимая его за плечи.

– Заходи, Андрей, давай, заходи.

– Я с сигаретой, – Горохов показал некурящему комиссару дымящуюся сигарету.

– Тебе можно, заходи.

Они поздоровались за руку, и уполномоченный вошёл в кабинет. Горохов ещё не успел усесться в удобное кресло, как Поживанов уже поставил перед ним тяжёлую пепельницу и спросил, улыбаясь:

– По пятьдесят за возвращение? – он достал из стола бутылку с чем-то чайного цвета. Бутылка была дорогой.

– Не-не-не…, – Горохов сразу закачал головой и рукой помахал: не буду. – Ты что? Утро, восьми ещё нет.

– Рыцари пустошей по утрам не пьют? – улыбался начальник,

– Пьют, но я ж к тебе по делу. Да я с дороги, дома ещё не был.

– Да, я понял. Тогда кофе.

– Кофе давай, а то там, на юге, только чай из пустынной флоры, – как только Поживанов попросил секретаря сделать кофе и тот ушёл, Горохов сразу перешёл к делу. – Я в рапорте всё укажу подробно, а пока Бушмелёв меня просил забежать и рассказать тебе вкратце, что я выяснил.

– Давай, что там у тебя? – Сергей Сергеевич поудобнее уселся в кресле. Локти положил на стол, так ближе к собеседнику.

Он выглядел немного вызывающе – белоснежная рубашка с модными серебряными запонками, чистое лицо, белая кожа, просто преуспевающий торговец водой или цветниной, а не генерал-майор и комиссар Чрезвычайной Комиссии, но уполномоченный знал, что в своё кресло он попал не по знакомству. Поживанов настоящий сыскарь с огромным опытом. И люди у него в отделе лучшие. Так что…

Глава 6

– Там, в приговоре последнем, был бандит Сорокин. Помнишь?

– Припоминаю, – кивнул Поживанов.

– Ну и перед приведением, он, как у них водится, начал скулить: не убивай, давай, мол, я тебе информацию выдам.

– Угу, – комиссар слушал уполномоченного.

– В общем, они, Сорокин со своим подельником, гоняли винтовки с патронами на юг, даргам. Но оружие было не их, они были только доставщиками.

– А кто же был заказчиком?

– Это дело тёмное, сначала был один какой-то тип, некто Кроха…, – продолжая слушать Андрея Николаевича, начальник Отдела Дознания взял уже исписанный лист бумаги и начал что-то мелко писать в углу. – … но этот Кроха куда-то делся, и его заменил некто Керим. Теперь он говорил Сороке, где брать товар и куда его отвозить.

– Угу, – продолжал писать Поживанов и, не отрывая глаз от бумаги, спрашивал: – Ещё какие-нибудь вводные по этому Кериму будут?

– Нет, но вот по оплате будут.

– По оплате? – Сергей Сергеевич поднял на Горохова глаза.

– Да, всегда зарплату за дело Сорока получал у некой Алевтины, в Серове. Она там содержит заведение «Прохлада».

– Серов? Край карты, – заметил комиссар, продолжая записывать слова уполномоченного.

– У тебя там никого нет?

– Есть, – ответил Поживанов, но, как водится, кто там у него есть, уточнять не стал. Информация конфиденциальная. – Дам ему запрос на эту Алевтину, он выдаст предварительную информацию. Но сам понимаешь, это всё будет небыстро.

– Отлично, – сказал Горохов, принимая чашку кофе от секретаря.

– Ты раньше времени-то не радуйся, – сказал Сергей Сергеевич, тоже беря чашку с подноса. Он постучал левой рукой по толстой папке, что лежала на столе. – Видишь?

– Много дел? – догадался Андрей Николаевич.

– Сорок два текущих дела, с твоим будет сорок три, и это при моих весьма ограниченных ресурсах.

Горохов знал, что у комиссара очень мало людей – и непосредственно в отделе, и так называемых неофициальных сотрудников, – чтобы всерьёз контролировать огромную территорию в сорок тысяч квадратных километров, по которой разбросано почти двести оазисов. Но вопросы поставки оружия дикарям всегда были в приоритете. Так что Поживанову придётся этим делом заняться.

– Ну, моё дело довести до тебя информацию, – сказал Горохов, отпивая кофе. О, это было очень приятно. Жаль вот только, что пил он его сейчас, уставший с дороги, много суток не мывшийся, небритый и голодный. После глотка сладкого кофе он сделал большую затяжку и сказал: – Живут же люди!

А комиссар поглядел на него и произнес:

– Амосов всё-таки уходит.

– Доконала его болезнь? – догадался уполномоченный. Амосов был одним из комиссаров, Начальником Оперативного Отдела; он многие годы боролся с последствиями тяжёлых солнечных ожогов, полученных на одном из заданий много лет назад, и, как следствие, почти неизлечимой проказы.

– Доконала, – кивнул комиссар и продолжил. – Терехов будет рекомендован в ЧК.

Терехов был замом Амосова и как никто другой знал общую оперативную обстановку на юг от Березняков. Горохов согласно кивнул. Именно Терехов обеспечивал оперативную и техническую поддержку всех уполномоченных или сотрудников Следственного Отдела, когда те работали в «поле». Это был грамотный человек.

– А тебя, – продолжал Поживанов, допивая кофе, – будем двигать в его замы.

– Меня? – удивился уполномоченный.

– Тебя, – сказал Сергей Сергеевич. – Есть мнение, что ты уже примелькался. Физиономия твоя уже по всему югу известна. Да и по количеству исполненных приговоров ты в первых рядах. А если брать значимость приговоров, так ты безусловно первый.

– В Оперативном Отделе и свои специалисты есть.

– Повторяю для нерасслышавших, твоя личность уже известна на обоих берегах реки. Андрюша, ты примелькался, и эта фуражечка твоя, и легенда твоя инженерная у всех на слуху, мне уже с мест передавали твоё описание. Тебя знают. И при твоём появлении будут сразу разбегаться, и это ещё полбеды, а то ведь будут стрелять без предупреждения. Так что всё, решение принято, безопасность превыше всего, и Бушмелёв будет выдвигать твою кандидатуру в замы Терехову, я это дело поддержу. Думаю, что и другие возражать не станут, ты у всех на слуху. Особенно после дела в Полазне.

Это было неожиданно… И приятно. Хотя у Горохова и были немного другие планы, тем не менее это было явным признанием его заслуг. Замначальника Оперативного Отдела – это всего одни шаг до кресла члена Чрезвычайной Комиссии. А ведь он был относительно молод для должности зама. Да, это сообщение безусловно ему польстило. Впрочем, Поживанов был прав, Горохова уже знали и на том, и на этом берегу реки. И его отличная легенда про инженера-вододобытчика уже была многим знакома. Его, так сказать, «клиенты» – они далеко не все убогие недоумки и мясники типа Сорокина; господа, выбившиеся в элиту криминального дела, обладали острым чутьём и пониманием значения информации. Так что…

– Ну, что сказать, – Горохов видел, что Поживанов ждёт его реакции, закончил: – это приятная новость.

– Приятная новость? – комиссар теперь глядел на него немного удивлённо. – Приятная новость – и всё?

– Да нет… Ну, я, конечно, рад, что меня так ценят, – попытался исправить впечатление уполномоченный. – Это честь для меня.

– Да что-то по тебе незаметно, – продолжал удивляться начальник Отдела Дознания. – У тебя, что, были другие планы? На пенсию, что ли, собирался?

«Сразу видно – сыскарь!». От него трудно что-либо утаить, Поживанов по лицу, что ли, всё видел, хотя Андрей Николаевич всегда держал себя в руках, стараясь не выражать ни жестами, ни выражением лица своих эмоций и мыслей.

– Да нет, просто очень всё неожиданно, – отвечает Горохов. Он допивает кофе, тушит окурок в пепельнице. Он не хочет пока раскрывать своих планов никому, даже сослуживцам.

Уполномоченный встаёт:

– Поеду я, Сергей, устал что-то.

– Ну давай, – комиссар встаёт, протягивает ему руку. Но когда Горохов уже открывает дверь кабинета, он окликает его: – Андрей!

– Да, – Горохов останавливается.

– Как там, на юге?

Уполномоченный пару секунд думает, что сказать, а потом говорит:

– Семьдесят два градуса.

Поживанов понимающе кивает.

Горохов спустился на первый этаж неприметного на первый взгляд здания, в котором располагался Трибунал. Там, на первом этаже, занимал половину здания роскошный зал, место сбора уполномоченных, людей, приводивших в исполнение приговоры Чрезвычайной Комиссии. Шикарные кресла, столы с белоснежными скатертями, ковры, температура меньше двадцати пяти градусов, холодильники с дорогой едой, фруктами, лёд, напитки.

Уполномоченных ценили. Руководство понимало, что люди, значительное время, проводившие в пустыне, в селениях-оазисах, должны хотя бы тут, у себя, ощущать комфорт. И вспоминать, что цивилизация ещё существует. На сей раз в зале никого из его коллег не было. Как всегда вежливая и улыбчивая Тамара заведующая комнатой отдыха, увидав его, встала и поспешила к нему.

– Андрей Николаевич, здравствуйте. С возвращением, – она не должна была задавать уполномоченным вопросы, поэтому сразу предлагала. – Будете обедать? У нас сегодня печёный с луком картофель и улитки в кактусовом соке.

Да, он чувствовал божественный запах деликатесного, привезённого с севера картофеля. Горохов снял фуражку, и с неё на дорогой ковёр полетела почти белая степная пыль. В этом роскошном зале он, в своём старом пыльнике, в выцветших галифе и запылённых сапогах, с этими своими обрезами и револьверами, смотрелся как инородное тело. Он взглянул на заведующую и сказал:

– Нет, Танечка, есть не буду, – сейчас его даже печёный картофель не мог остановить. – Помоюсь, переоденусь и домой. Устал, хочу выспаться.

– Вода в бассейне чистая, два дня назад меняли, – продолжала она. – У вас в шкафчике чистые полотенца. Могу принести вам текилы со льдом.

– Кофе, давай кофе, а то засыпаю, всё ночь на мотоцикле провёл, и мне ещё до Соликамска ехать.

***

Опреснители. Они начинаются километров за десять до Березников и тянутся, тянутся по берегу реки до самого Соликамска. И потом ещё дальше. Двум объединившимся городам, этакому мегаполису с тремястами тысячами людей, проживающих непосредственно в Городе, нужно много воды. Пусть даже и плохой воды с неудаляемым йодистым привкусом. Людям нужно мыться, а большинство ещё и пьёт эту воду, так как у большинства проживающих в этом агломерате нет денег, чтобы пить всё время артезианскую.

Когда едешь с юга, иногда, взглянув на город, можно поймать взглядом блики. Это светоотражающая краска. Большинство зданий выкрашены в белый цвет. И

некоторая часть домов, та, что побогаче, выкрашена «серебрянкой»; она-то и бликует, придавая городу некоторый мистический ореол.

Это и есть его Город. Бесконечные ряды опреснителей у реки, между ними пристани и склады. Ветротурбины у богатых домов, солнечные панели. Сотни и сотни солнечных панелей повсюду. И так как пыль резко снижает их эффективность, то домохозяйки с длинными швабрами тут же сметают с них пыль, что летит на панели с оживлённой дороги, которая тянется вдоль реки.

Горохов переоделся, теперь он выглядит как стопроцентный горожанин. У него недешёвый электрический квадроцикл, в кабине которого урчит кондиционер. Вместо револьвера и обреза – элегантный и небольшой девятимиллиметровый «Макаров-2». Рядом с ним на соседнем сиденье лежит папка с чертежами буровой установки.

Теперь он возвращающийся из командировки инженер, один из ведущих инженеров компании «БОиН», которая сдаёт в аренду буровое и насосное оборудование и базируется в Соликамске.

Переехав небольшой мостик через заросший приток реки, он сворачивает на Красный Бульвар, один из лучших районов Соликамска. С юга и востока эти кварталы дорогих домов защищены возвышенностью, песка и пыли тут намного меньше, чем где бы то ни было. А красная пыльца с реки сюда залетает редко, до реки далеко, так что только сильный западный ветер может принести сюда эту мерзость.

Улицы здесь ежедневно чистят от пыли. Тут хорошо. Ровные дома, блещущие «серебрянкой», почти над каждым крутит свои «волны» ветротурбина. Горохов подъезжает к своему дому. Кнопкой открывает дверь гаража. Герметичная дверь, слегка чавкнув, ползёт вверх. Он заезжает внутрь. Останавливается. Выключает питание, сигнальные лампы гаснут, кондиционер замолкает. Дверь гаража закрывается и становится тихо.

Вот он и дома.

Интересно, кто-нибудь из домашних слышал, что он приехал? Наташа всё слышала. Она появляется в гараже в неизменных своих миниатюрных шортах и майке, под которой нет лифчика. Она идёт к нему и сама открывает дверь

кабины.

– Ну, привет, – эта безусловно красивая женщина тянется к нему и целует его в губы, обнимает.

Эта тридцатипятилетняя женщина всё и всегда делает правильно. Почти всегда. Она до сих пор не понимает, что ходить по дому, в котором с нею проживают два мальчика-подростка тринадцати и девяти лет, в микроскопических шортах и майке, через которую видно соски, дело не очень правильное. Сам уполномоченный сказать ей об этом всё никак не соберётся.

– А чего ты не предупредил, что приезжаешь? Я бы ванну налила, приготовила что-нибудь, – от неё хорошо пахнет, как и всегда, она отлично выглядит. Эта женщина даже спросонок выглядит хорошо. Даже если пила полночи. Как будто спала и следила за тем, чтобы волосы лежали правильно и глаза от сна и выпитого не опухали.

Правда, Горохову этот её внешний вид обходился в копеечку. Наташа без устали тратила его деньги на самые новые витамины, процедуры, массажи и спортивные залы. В общем, она имела вид холёной горожанки из состоятельной семьи.

Он с удовольствием целует женщину и, оторвавшись, отвечает:

– Ванны не нужно, я помылся в гостинице, а поесть… Потом поедим в ресторане, посплю пару часов и пойдём есть.

– Хорошо, – сразу соглашается она и берёт его руку и прижимает её к своему лобку, зажимая его пальцы в промежности. И спрашивает спокойно, без всякого волнения: – Пойдёшь спать один? Или мне пойти с тобой?

При этом она абсолютно серьёзна, ни намёка на флирт. Но даже с этой своей серьёзностью она обворожительна. И знает, что делает.

Глава 7

Это было несколько лет назад. Чуть позже самого удачного его дела. Уже после того, как ему присвоили новое звание. На одном из званых ужинов, где в честь слияния двух вододобывающих компаний собрались представители руководства этих компаний, руководители разнообразных смежников, а также представители горсовета и администрации города. Был хороший ужин с хорошей выпивкой и с хорошей музыкой. Горохов присутствовал на этом ужине как ведущий инженер небольшой, но преуспевающей компании с незамысловатым названием «БОиН». «Буровое оборудование и насосы». После ужина он стоял в сторонке, старясь не вступать в ненужные разговоры с подвыпившими коллегами и лишний раз ни с кем не знакомиться. Стоял, слушал музыку и поигрывал большим куском льда в стакане с текилой. И тут к нему подошла красивая женщина в красивом платье и с бокалом в руке и без всяких прелюдий сказала:

– Вам тоже скучно?

И пока он думал, что на это ответить, красивая женщина продолжила:

– Меня зовут Наталья.

– Инженер Горохов, – ответил он и взглянул на неё повнимательнее. Свет в зале был приглушённый, он не был уверен, но ему показалось, что… у неё под платьем не было нижнего белья.

«Очень дорогая проститутка?».

– А у инженеров бывают имена? – без тени улыбки спросила Наталья.

– А, да… Андрей, – назвался уполномоченный. Он обвёл своим стаканом присутствующих, разбившихся на небольшие группки. – Я просто думал, что вы из…

– Я не работаю ни в одной из фирм, что здесь собрались, – сказала красивая женщина. – Меня подруга внесла в список приглашённых. По знакомству.

«Нет, не проститутка! Это рыба покрупнее. Это охотница за состоятельными мужиками!».

– Вот, зашла скоротать вечер и немного выпить, – продолжила она.

У него тогда сразу возник вопрос, почему она подошла к нему, ведь он старался быть немного в стороне от всех, что называется, не отсвечивать. Уполномоченный находился здесь, чтобы поддерживать свою легенду, пару раз мелькнуть лицом в кругу вододобытчиков и членов городской администрации, но без лишних и близких контактов. Но эта красивая и, как говорят, ухоженная женщина выбирает для разговора его, хотя он только что видел её с группами других мужчин и женщин. И Наталья, словно разгадав его мысли, тут же пояснила:

– Ненавижу женатиков. Поэтому постою рядом с вами. Если вы, конечно, не возражаете.

– Конечно, не возражаю, – он ещё раз, и несколько показательно, осмотрел её. Оценил и потому чуть шутливо заметил: – Такие женщины, как вы, могут стоять со мной рядом сколько угодно. Но объясните, почему вам не нравятся женатые?

– Они слишком… решительные, – чуть улыбнувшись, отвечала она.

– Их можно понять, – сказал Горохов, чуть подумав, – они сильно ограничены во времени.

– А ещё в чувстве такта, – она сделала глоток из стакана и добавила: – И у большинства из них переизбыток самомнения и неоправданного, тупого упорства.

– Верно подмечено, они такие, они и в делах такие же, – с улыбкой заметил уполномоченный и спросил: – Кстати… А как вы определили, что я не женат?

Она взглянула на него и, кажется, первый раз за весь разговор на её губах появилось нечто похожее на улыбку. Она взглянула на него с каким-то превосходством человека, посвящённого в тайные смыслы: молодой человек, я вас умоляю! Такие вещи я различаю на расстоянии километра. Взглянула и ничего ему не ответила.

Только снова отпила вина из своего узкого стакана.

– Понятно, у вас просто глаз намётан, – догадался уполномоченный.

Она посмотрела на него, снова стала серьёзной и произнесла:

– Кажется, в том зале танцуют.

– Кажется.

Наталья поставила почти пустой стакан на столик и сказала:

– Если вы пригласите меня на танец, я, может быть, не откажусь.

– Я вообще не умею танцевать, – признался Горохов. – Я танцевал последний раз… кажется, в интернате.

– Вы росли без родителей? – уточнила она.

– Нет, родители у меня были, но я рос в степи, и детей из оазисов в те времена собирали в школы-интернаты на учёбу. Там я танцевать так и не научился.

– В зале темно, и никто не будет на вас глазеть, а я не буду замечать ваше неумение, – настояла она и, взяв дело в свои руки, повела его в комнату, где в полумраке под медленную романтическую музыку танцевало несколько пар.

Спортивные залы, специальные уколы, бассейны, витамины, массажи. Ни намёка на лишний жир, на рыхлость. Наталья безусловно была сильной женщиной, это сейчас было модно, и он через платье чувствовал её тренированное тело.

Она ему нравилась. И то, что она серьёзна, тоже, а вот то, что женщина сама была инициатором их знакомства, если и не пугало его, то несомненно настораживало. Нет, будь он настоящим инженером, Горохов был бы счастлив, что такая привлекательная женщина проявляет к нему интерес. Но в том-то и было дело, что он не был инженером. Он был старшим уполномоченным Трибунала. Длинной рукой Чрезвычайной Комиссии. И поэтому должен был критически относиться к любой личности, которая интересуется его скромной персоной. Так что он был осторожен… И гадал про себя, почему она выбрала его.

Возможно, она была искательницей богатых мужей. Что ж… тогда её ждало разочарование, но это уже не его вина. Сама промахнулась. Ей следовало бы знать, что инженеры, даже ведущие, – люди состоятельные, но вовсе не богатые. Те, кто таскается по пустыне, работают, так сказать, на местах, у тех есть шанс найти воду и получить хорошие премиальные, иногда даже очень хорошие. А ещё у них есть шанс поучаствовать в сбыте «налево» найденной воды. Но даже этих инженеров нельзя считать богатеями.

Следовательно, эта красотка схватилась за него по ошибке. Или от безысходности, так как серьёзная рыба ей давно не попадалась. А ещё… она могла знать, кто он, и… Ну, для этого варианта в Чрезвычайной Комиссии существовал специальный отдел. Отдел Безопасности.

– Хотите уйти? – спросила Наталья, выведя его из танцевального зала и вставая под струю кондиционера после его неуклюжих попыток вальсировать с нею. Её платье из тонкой приятной материи и её тщательно уложенные локоны едва заметно колыхались в струях прохладного воздуха. Женщина была обворожительна, она, кажется, не обременяла себя нижним бельём, бюстгальтером-то точно. Насчёт нижней части женского туалета он уверен не был. Тут нужно было проверять. Она стояла так близко…

«Хотите уйти?». Вопрос двусмысленный, он не успел ответить, а она, заглядывая ему в глаза и беря очередной стакан с вином, уточнила:

– Уйти со мной.

«Уйти со мной». Весьма прямолинейно. И в этой прямолинейности была некоторая циничность. Впрочем, именно это уполномоченного и успокаивало. Знай Наталья, кто он, и имей она какие-то специфические интересы, женщина, несомненно, добивалась бы его внимания более тонко, изощрённо. А сейчас циничная красотка ловила себе мужичка. И ничего, что мужичок так себе, звёзд с неба не хватал, это ж на время, пересидеть-перебиться, пока не появится более крупная рыба.

– Уйти с вами? – переспросил он и, не дожидаясь ответа, согласился. – Конечно.

Наталья залпом допила своё вино и под завистливыми взглядами некоторых мужчин, взяв Горохова под руку, повела его к выходу.

Когда они сели в его квадроцикл, красавица огляделась: герметичная кабина с полным обзором, удобные кресла; взглянула на приборную доску, оценивая ёмкость аккумулятора, и, потрогав кнопки кондиционера, молча для себя отметила, что этот транспорт соответствует её ожиданиям. Только после этого спросила, переходя на ты:

– К тебе или ко мне?

– У меня дети дома, – ответил уполномоченный.

– А жена? – Наталья насторожилась.

– Их мать умерла, – сухо ответил уполномоченный, тоном давая понять, что эта тема закрыта.

– Тогда лучше ко мне, – сказала женщина, положила ногу на ногу и откинулась на спинку кресла так, что ткань сползла намного выше колен. – У меня никого.

– Куда? – Горохов взглянул на её классные ноги, потом на её профиль и отметил, что даже в полумраке, даже в свете приборной доски Наталья производила впечатление, она была красива. И прекрасно знала об этом.

При нём в кобуре на щиколотке был небольшой семимиллиметровый пистолет. В кармане брюк отличный раскладной нож. В общем, он был хоть как-то вооружён и готов был рискнуть.

Оказывается, она жила в неплохом районе и недалеко от него. Вот только квартирка её была совсем небольшой, метров в двадцать. Там всё было, как и должно быть: хороший кондиционер, душ, кровать, кухня, холодильник, но…

Когда он осмотрелся и повернулся к ней, она уже стояла у шкафа голая и аккуратно вешала своё платье на вешалку. Она, поймав его взгляд, не смутилась, не улыбнулась, не стала как-то прикрываться. Наталья с серьёзным видом закончила с платьем и повесила его в шкаф. И только после этого подошла к нему, положила руки ему на плечи и спросила:

– Хочешь ещё выпить?

Одного взгляда на прекрасное тело молодой женщины ему хватило, чтобы понять, что квартирка не соответствует ни этому телу, ни тем амбициям, которые в этом теле проживают. И поэтому он немного успокоился.

***

На следующий день Горохов сразу поехал в Трибунал. Красавица Наталья со звучной фамилией Базарова ему… да, безусловно понравилась, и он хотел знать, что стало причиной её интереса к нему. Рафаэль Нурмагомедов, замначальника Отдела Безопасности, не был удивлён подобным вопросом старшего уполномоченного. Горохов, даже если бы и не хотел, но по уставу должен был доложить в ОБ о том, что кто-то проявляет к нему подобный интерес. И Рафаэль, ни разу не заглянув в какие-либо бумаги, успокоил его:

– Конечно, знаю, – он чуть подумал. – Она живёт в Городе уже давно, приехала из-за реки, не помню откуда, если надо, уточню, три раза была замужем, первый муж был из банды Рыбаря, некий Валёк, от него у неё, кстати, дочь одиннадцати лет. Этот Валёк где-то сгинул, наверное, грабил промысловиков, получил сдачи. От него ей не много перепало. Потом у неё был один немолодой мужичок, у него были арендные площади в городе и сушилка на берегу. Но он болел, последствия запущенной проказы, она была ему скорее сиделкой, чем женой, и прожила с ним несколько лет, а как он умер, судилась с родственниками мужичка, кое-что ей перепало. Но немного. Третий её муж был Виталий Васильев.

– Это из тех Васильевых? – уточнил уполномоченный, подразумевая клан владельцев значительной части городских опреснителей и прочих нужных, полезных и прибыльных предприятий Города. Это была очень влиятельная семья.

– Из тех, из тех…, – кивал Нурмагомедов, – но с ним она не прожила долго. Пару лет, кажется… Он от неё избавился. Выгнал. И, судя по всему, ей пригрозили, чтобы она ничего не требовала от него, может, ей что-то дали, короче, разошлись они тихо, без суда.

– Я смотрю, ты её хорошо знаешь, – заметил уполномоченный, обдумывая услышанное.

– Так это же моя зона ответственности. Дамочек её уровня в Городе не больше десятка. Первосортные красавицы, ищущие состоятельных мужей. На всех приёмах работают. Умные, жадные, знающие, что хотят и как это получить. Такие, как ты, для них лёгкая добыча.

– Уж прямо так и лёгкая! – Горохову стало даже немного обидно.

– Конечно, ты же в степи провёл две трети своей жизни, там женщины простые, а тут калиброванная городская сколопендра, умная, красавица, с первосортным телом, уверен, что и в постели ей мало равных.

Рафаэль остановился и с улыбкой посмотрел на Горохова:

– Что? Я прав насчёт постели?

Уполномоченный не стал подтверждать его правоту и промолчал, а замначальника ОБ продолжил:

– Она всё знает, всё умеет, степным женщинам не чета. Эта женщина высшего света, ты ведь с такими не сталкивался.

– Думаешь, реальной угрозы она не представляет?

– Ну, разве что для твоего кошелька. Кстати… В протоколе я запишу, что не рекомендовал тебе с нею знаться. Но разве ты меня послушаешь? Вы, уполномоченные, лица процессуально свободные, разве вы кого-нибудь слушаете?

Горохов всё понял, он пожал Нурмагомедову руку и вышел из кабинета.

***

Базарова действительно ему понравилась. Она отлично знала, что ему нужно, прекрасно чувствовала границы. Подарков сама не просила, но и не отказывалась, если он предлагал. Наташа была чистоплотна, в её квартирке всегда было чисто, а вот готовила красавица плохо. Что в глазах уполномоченного было большим минусом. Она почти никогда не смеялась, даже

когда он шутил, редко улыбалась, но зато она всегда внимательно слушала. А ещё она читала книги…

В общем, через месяц их знакомства Горохов предложил ей познакомиться с двумя парнями, что жили с ним, и переехать к нему.

Она сразу, как будто ждала этого, согласилась и уже через два дня сообщила ему, что сдала свою квартирку и готова к переезду.

Это было… давно. Уполномоченный уже не мог вспомнить, сколько прошло лет, как он стал жить с Натальей. Года четыре, наверное. Личное время у него всегда было немного вытеснено закрытыми делами и приведёнными в исполнения приговорами. Некоторые из своих дел он отлично помнил, а вот сколько лет жил с красивой и не очень разговорчивой женщиной… Ему пришлось бы посчитать, чтобы вспомнить. В общем, с тех пор Митяй и Тимоха, сыновья Самары, уже заметно подросли и освоились в городе.

Глава 8

Поцеловав Горохова, Наташа встала с постели и, не одеваясь, уменьшила мощность кондиционера, она всегда следила за расходом электричества. Хозяйка. Горохов все эти годы ждал, что она вот-вот объявит, что уходит от него, или что вернувшись с задания, из какой-нибудь адской дыры, не найдёт ни её, ни её вещей у себя дома, ему казалось, что Наташа всё ещё ищет себе мужа получше, но женщина жила и жила с ним, даже строила планы на будущее… Иногда.

Кажется, Базарова не собиралась его покидать, вот и сейчас расхаживала по его комнате голой, регулировала кондиционер, наливала хорошей, охлаждённой воды в стакан, приносила и говорила ровным, обычным для себя голосом:

– Дмитрий перестал посещать школу.

Горохов выпил воды с удовольствием. И, глядя на то, как она одевается, спросил:

– Совсем, что ли, не ходит?

– Думаю, да, учитель сказал, что уже две недели не появлялся.

– И где же он это время проводит? – спросил уполномоченный.

– Не знаю, ты сам даёшь ему деньги.

Она была права, Горохов давал ему деньги, а с деньгами четырнадцатилетний парень в городе всегда сможет найти место для развлечения, и хорошо, если это будут бассейны, где собираются дети состоятельных родителей. А Наташа продолжала:

– Хотя он и на улице проводит много времени, как мне кажется, – она остановилась у двери и продолжила спокойно: – Тебе нужно с ним серьёзно поговорить. Меня он просто игнорирует.

– Поговорить? Сейчас? – Горохов хотел одеться и пойти с этой красивой женщиной в ресторан, поесть как следует. Он за последний месяц ел только дрянь всякую. Сейчас уполномоченный с удовольствием съел бы хорошую отбивную из молодого варана с молодым горохом и кислым соусом из синего кактуса, но Наталья настояла:

– Чем быстрее, тем лучше. Мало того, что Дмитрий игнорирует меня, он подаёт пример и младшему. Тимофей тоже начинает проявлять характер.

– Ну… ладно, – согласился уполномоченный и стал вылезать из кровати.

Он оделся и вышел из комнаты. В принципе, Наташа была права, разговор этот давно назревал, Митяй, вихрастый и замкнутый, с самого первого дня учился плохо и конфликтовал с другими учениками. Однажды, пару лет назад, Горохов спросил его, почему он всё время со всеми ссорится, а он ответил ему, что в школе его называют недоразвитым. Нет, недоразвитым он не был, просто дети, растущие в степи, всегда менее образованны, менее современны, чем городские.

– Митяй, – позвал Горохов, заглядывая в детскую. Но в детской оказался только младший Тимофей.

– Я здесь, – донеслось с кухни.

Уполномоченный встал в проходе, осмотрелся. В помещении было жарко, закипал чайник.

– Ты тут, что, кондиционер не включаешь?

– Мне и так норм, – с чуть заметной каплей гордости сказал подросток. Он бравировал своим умением переносить жару. Не раз это подчёркивал, чтобы все помнили, что он вырос в степи, что он из казаков.

– Почему в школу не ходишь? – сразу перешёл к делу Горохов.

– А нафига она мне? – Дмитрий отпираться не стал, только фыркнул нагло.

– Не нужна, значит, школа? – уполномоченный сделал паузу, прошёл на кухню и сел напротив парня. – А что собираешься делать? В старатели подашься? Или в охотники? Может, горох будешь выращивать?

– Горох! – Митяй противно ухмыльнулся.

– Ну, если не горох, куда пойдёшь работать? Может, на опреснитель – или на буровую, воду добывать будешь? Или в солдаты? Чем будешь зарабатывать?

– Ничем, – всё так же нагло заявил парень, – это вы, городские, зарабатываете, а я кочевать уйду.

– Ах, кочевать…, – Горохов понимающе кивнул. – Ну конечно, степь, свобода… Найдёшь себе курень с лихим атаманом. Через годик уже женишься. Там незамужних-то баб море, а вот с мужьями проблемы.

– А что, плохо, что ли? Может, и женюсь, – рассуждал подросток. – Казачки жёны хорошие. Мне бы только денег на квадроцикл и на оружие с патронами найти.

– Ну, на нужное дело я тебе денег дам, – с притворным согласием говорит уполномоченный. – Ещё нужно палатку купить, посуду, сеть, кондиционер, ещё много, много всего нужно будет купить. А кстати… У твоей матери, кажется, два

мужа было. Одного, по-моему, убили в стычке за какой-то поганый колодец казаки из соседнего куреня, а второго убили… не помню точно, дарги, кажется…

– И что? – насупился Митяй.

– А то, что они оба и до тридцати лет не дожили, вот что! И мать твоя погибла молодой. А почему, знаешь?

– Тебя спасала, – буркнул подросток.

Горохов встал, подошёл к нему и ткнул его пальцем в голову:

– Потому что меня не слушала, точно так же, как и ты сейчас. Кочевать он собрался. Казак. Кстати, чтобы ты знал, Васильку, атаману вашему, полгода назад ступню отстрелили, опять казаки воду делили, теперь по пескам на протезе прыгает. И сколько он так ещё пропрыгает? Как считаешь?

– Врёшь! – мальчишка зло взглянул на Горохова.

– Нет, не вру, и ты это знаешь.

– Откуда знаешь, что атаману ногу отстрелили?

– Знакомые сказали. И ещё одного казака из вашего куреня убили.

– А кого убили?

– Мне имя его не назвали, – уполномоченный помолчал и продолжил: – Так что подумай, подумай крепко, прежде чем в степь подаваться. Ты оглянуться не успеешь, как степь сама сюда придёт. Степь всё ближе к Городу подходит. Сколько ещё куреня вдоль реки будут кочевать, один Бог знает; ты имей в виду, на том берегу в прошлые дожди дарги до Майкора и даже до Пожвы доходили. Они и на этом берегу обживутся, ты уж мне поверь. Где тогда кочевать будешь?

Митяй сморит на него враждебно и молчит. Сказать ему нечего. А тут на кухню заходит Наташа. Встаёт молча рядом с Гороховым.

– И почему ты стал Наталью игнорировать? – вспомнил уполномоченный. – Почему не слушаешься её?

Митяй опять отвратительно хмыкнул:

– А она мне кто, чтобы я её слушал?

– Кто она? – Горохов раздражается. – Она хозяйка моего дома. И ты живёшь у неё. Точно так же, как у вас на кочевьях казачка хозяйка в палатке, и у неё в палатке никто не смеет ей хамить и фыркать, даже муж, и если она что-то просит, значит, ты исполняешь. Понял?

Против этого довода у Митяя ничего не было. Так и есть, хозяйка в палатке – казачка.

– Понял, – буркнул подросток.

– Не пойдёшь в школу, будем искать тебе работу, – продолжил уполномоченный. – У тебя всего четыре пути. Либо ты и вправду возвращаешься на кочевья, либо в школу, либо находишь себе работу по душе…

Горохов замолчал, а Митяй всё пересчитал и спросил хмуро:

– А четвёртый какой?

– Четвёртый… податься в банду.

Тут появился и его младший брат Тимофей, он стоял в коридоре и слушал, о чём говорят старшие; уполномоченный увидал его и поинтересовался:

– А ты… Ты тоже откочевать собрался?

– Я? – переспросил Тимоха. А потом мотнул головой. – Я нет…

– Значит, будешь в школу ходить?

– Ну… буду. Да, Андрей…

– Вот и отлично, – произнёс Горохов и тут же продолжил, обращаясь к старшему: – А ты думай пока, думай… Наташа, собирайся, я есть хочу.

– Андрей, а нас не возьмёте? – спросил Тимофей, понимая, что уполномоченный и Наталья собираются поесть чего-нибудь вкусного.

– Нет, сидите и думайте, не заслужили.

Они их не взяли с собой, ушли есть в неплохой ресторанчик, что был неподалёку, а там, уже сделав заказ, Горохов думал-думал про этих парней, что уже столько лет жили в его доме, но так и не стали ему ближе, а потом вдруг спросил у своей спутницы:

– А почему ты меня со своею дочерью не знакомишь?

Наталья, кажется, растерлась. Она ему говорила, конечно, что у неё есть дочь, и пару раз в месяц ездила к ней. Мало того, уполномоченный знал, что все деньги, которые Базарова выручает за сдачу квартиры, она тратит на содержание дочери у родственников и на её учёбу. Но вот речь о том, чтобы познакомить Горохова со своей Татьяной, она никогда не заводила. Её серьёзный и холодный, чуть-чуть пугавший официанток вид кто-то поблек. И она немного растерянно спросила:

– Познакомить тебя?

– Ну, познакомь, – видя её озадаченность и чуть усмехнувшись, сказал уполномоченный и добавил: – Ну, если она у тебя, конечно, есть.

Наташа опять удивила его своим видом. Растерянность и неуверенность он видел на её лице впервые, а потом она произнесла:

– Ты сейчас её хочешь увидеть?

– А что тебя так удивляет? – поинтересовался Горохов.

– Да ничего…, – она немного помедлила и наконец нашла, что сказать, – просто другие мои мужчины никогда не интересовались ею. Никогда не просили их познакомить с Татьяной.

– Так ты, что, ещё не поняла, что я особенный? – опять усмехался уполномоченный.

– Поняла, – её серьёзность снова вернулась к ней, и она закончила тем тоном, которым обычно и разговаривала: – Хорошо; у неё через пять дней экзамен, а потом я привезу её сюда.

– Ну и прекрасно, – сказал Горохов и потянулся к корзинке свежайшего тыквенного хлеба, которую только что поставила на стол официантка.

***

После обеда Наташа сказала, что ей необходимо что-то купить, Горохов отвёз её к торговому центру, дал денег, которые Наталья взяла, как всегда, с прохладной благодарностью.

Он ждать её не стал, у него было несколько вопросов к своему приятелю. Нужно было кое-что выяснить. Про это у него уже спрашивал его непосредственный начальник сегодня утром, и уполномоченный хотел уточнить, если вдруг руководство снова начнёт задавать подобные вопросы. Поэтому он поехал по забитой транспортом дороге на юг, в Березники, а потом на юго-восток, на самый край Города.

Шиши. Место тихое, почти пустынное, тут не селятся те, у кого есть деньги. Слишком далеко от реки, здесь, конечно, не нужны фильтры, предохраняющие от красной пыли, но даже плохая вода, и та здесь дорого стоит. А ещё место находится близко к пустыне. Пыль и песок после каждой бури, да и после вечернего ветра это место так заносит, что и не проедешь. Да, но зато тут действительно тихо. И полынь можно купить на каждом шагу. Горохов косился на приземистые, вросшие в грунт и занесённые пылью бетонные, некрашеные кубы задний. И народу мало на улице.

Дорога и так была не очень, ещё и песком сильно заметена, а тут, у низкого и широкого дома, она и вовсе кончилась. Дом у его приятеля был большой. Он

стоял на самой окраине, выделялся своим видом, а в двух сотнях метрах на восток за ним уже начинались барханы. Строение давно не красили в белую краску. Кое-где из-под краски проступал серый бетон. С востока дом был занесён песком до половины стены. Хозяина дома, кажется, не волновали ни этот песок, ни облупившаяся краска. Горохов остановил квадроцикл в десятке метров от дома, выбрался из прохладной кабины на улицу. Осмотрелся. Его приятель дом так и не покрасил, а ведь белая краска отражает тепло, в хорошо покрашенном доме минус два градуса от температуры. Зато хозяин дома поставил ещё одни ветряк. Новый, качественный, спиральный ветряк стоит немалых денег. Когда Горохов был тут в последний раз, ветряк был один. Видно, хозяину нужно больше энергии. Вон, на крыше все панели новые. Уполномоченный подходит к мощной двери. О, и тут улучшения. Новые уплотнители, закрытые замки. Судя по всему, хозяин не борется за сохранение в доме прохлады. Тогда он покрасил бы дом. Хозяин борется с пылью. Несомненно. Горохов огляделся. Вокруг никого не было. Это естественно, три часа дня, самая жара. Он нажал кнопку звонка.

Глава 9

Уплотнители на двери были качественными. Горохов не услышал, как кто-то подходил к ней, он просто ждал, не скрывая от камеры наблюдения лица. Сколько должно пройти времени, чтобы хозяин подошёл и поглядел в монитор, чтобы понять, кто пришёл? В общем, ждал и чуть не вздрогнул от неожиданности, когда откуда-то сбоку из хриплого динамика донеслось:

– Сегодня приёма нет. Доктор не принимает.

Уполномоченный даже растерялся немного. «Доктор?». «Не принимает?». И что удивило его больше всего, так это то, что голос был женский. Он секунду думал, ища микрофон, но так и не найдя его, громко сказал:

– Позовите Валеру.

Его за дверью услышали, значит, микрофон где-то был.

– Я же тебе сказала, – продолжала женщина не очень-то вежливо, – доктор сегодня не принимает.

Это начинало его раздражать, он ещё несколько раз нажал на кнопку звонка и произнёс громко:

– Будьте добры, позовите хозяина дома.

– Да Господи… Он не принимает, тебе, что, не ясно? – там, за дверью, уже тоже начинали злиться.

– Я не на приём, я его друг, – говорил Горохов, нажимая и нажимая кнопку звонка.

– Какой ещё друг?! – донеслось из динамика, но объясняться уполномоченному не пришлось, дверь отворилась.

За дверью на пороге появился лысый, неопределённого возраста человек с бледным лицом. Раньше у него ещё под глазами были круги, этакий фирменный вид увлечённого человека, который плохо питается и мало спит, но теперь он выглядел получше. Получше.

– Инженер? – Валера приоткрыл дверь, чтобы впустить Горохова.

Тот вошёл и сразу спросил:

– Чего не пускаешь?

– Да это… Это Марта, она тебя ещё не знает.

Валера запер дверь на мощный замок. Он сильно изменился с тех пор, как Горохов его встретил в Губахе. Он не горбился, нормально ходил – почти нормально; во всяком случае, не волочил ноги, – и заикался совсем не сильно, не часто. Конечно, Валера-Генетик не выглядел здоровым красавцем, но с тем полуинвалидом, с которым Горохова столкнула жизнь, этот человек имел уже не так уж и много общего.

– У меня просто все… все… все… ванны сейчас заняты, – продолжал Генетик. – Не беру новых па-а-циентов. Вот Марта и гонит всех, но я ей про тебя рассказывал.

– И что же ты про меня рассказывал? – строго, тихо и серьезно спросил уполномоченный, приближаясь к Валере, чтобы его не слышали. Та же Марта, например.

– Нет-нет, – также стал шептать Генетик, – ничего такого я не говорил. Где ты работаешь, я говорил, что ты и-инженер из Губахи. Я всё понимаю. Ты просто сэ-сэ-старый друг.

И тут как раз к ним вышла женщина. Не худая, но с хорошей фигурой, на которой ладно сидели шорты и небольшая майка. Кучерявая блондинка лет тридцати. Привлекательность… ну, выше среднего. Но сразу видно – бойкая, из тех, что своего не упустят.

– Здравствуйте, – не очень-то дружелюбно начала она, разглядывая уполномоченного.

– Здравствуйте, – ответил тот.

– Марта, э-это мой друг инженер Горохов, – представил его Валера.

– Очень настойчивый друг, – заметила блондинка.

«О, да она тут чувствует себя хозяйкой, Валерик влип», – подумал Горохов и сказал:

– Вы уж извините меня, Марта, но ещё месяц назад Валера жил здесь один, я и предположить не мог, что тут всё так радикально изменится за столь короткое время.

– Всё меняется, – назидательно заметила женщина.

– Это да, это несомненно, – сказал уполномоченный примирительно и добавил, – кстати, Марта, можете звать меня просто Андрей.

– Хорошо, Андрей, – довольно едко произнесла блондинка, тон её вовсе не говорил о том, что она готова принять примирение.

– Пойдём, пойдём, – Генетик взял Горохова под руку и повёл в большую комнату, туда, где стояли ванны. На пороге он остановился и, не заикнувшись ни разу, сказал:

– Марточка, принеси нам чаю, пожалуйста.

Он явно хотел сгладить шероховатость, возникшую между Гороховым и Мартой.

– Конечно, Валерочка, – отвечала блондинка и с показной послушностью поспешила на кухню.

Генетик закрыл тяжёлую дверь своей лаборатории. Лампы под потолком, ванны. Шесть штук. Во всех плавают мужчины, опутанные прозрачными трубками, в которых среди разноцветных жидкостей ползают белые пузырьки воздуха; ещё к ним прикреплены провода, и эти провода с трубками подключены к каким-то приборам, насосам, непонятным агрегатам.

На телах большие, грубо сшитые раны. Некоторые конечности стянуты шинами, для правильного сращения костей.

Горохов молча ходит от ванны к ванне, рассматривает людей через вязкую, чуть мутноватую жидкость, но, не узнав ни одного лица, потом спрашивает у Генетика:

– Бандиты?

Валера указывает на одну ванну:

– Сэ-старатель. Перебит позвоночник и размозжена печень, ещё одно пулевое в грудину, когда е-его привезли, он уже почти не… не… д-дышал, – Валера опёрся задом на большой стол, заставленный поддонами, в которых среди коричневой почвы копошились под тёплыми лампами огромные желтоватые личинки. Этих личинок в поддонах копошилось большое множество, тысячи и тысячи. Генетик непроизвольно запускал пальцы в грунт, ворошил его вместе с личинками.

– И что, вылечишь старателя? – спрашивает уполномоченный, садясь на удобный стул у стола. Он старался не смотреть на то, как Генетик копается в грунте с личинками.

– Уже через неделю… может д-дней через девять… буду вынимать, – отвечает Валера не без гордости.

Горохов ему верит, Валера вылечит. Уполномоченный привстаёт и опускает руку в ближайшую ванну, в которой плавает человек, живот которого грубо сшит чёрной ниткой, опускает прямо в биомассу, потом вытаскивает руку. Смотрит, как по пальцам и ладони стекает густая мутная жидкость.

– Протоплазма. Ты научился её делать сам? Раньше ты забирал остатки из лаборатории пришлых.

– Научился. А эти уроды… из Института, своровали у меня мою технологию, скопировали, опробовали, а потом меня выгнали, и ничего не дали за это, – на этот раз Валера ни разу не заикнулся.

– И что? Теперь они умеют восстанавливать людей так же, как и ты?

Горохов вспомнил, что в отчёте об увольнении Генетика написано, что он некомпетентен, ещё что-то в этом роде.

– Д-думаю, уже пробуют. Это… это не так уж и сложно, если выдерживать последовательность процедур и условия для рэ… рэ… роста «стволов».

– Роста стволовых клеток? – уточнил уполномоченный, он всё ещё рассматривал протоплазму на своей руке.

– Угу, – Генетик кивает.

– Чуть жжёт, – говорит Горохов, стряхивая протоплазму с руки в ванну.

– Свежая, а-активная, пытается взаимодействовать с твоей кожей или ищет, что съесть.

Горохов смотрит на Генетика, теперь тот сидит так, что его лицо отлично освещено.

– О, да ты, друг мой, кажется… поправился.

– Что? – Валера немного смущён.

– Потолстел.

– А, н-ну, есть немного.

– На тыквенных пирожках кудрявой Марты начал, значит, толстеть, – предполагает уполномоченный, снова садясь и взглянув на дверь: не сможет ли Марта подслушать их разговор. Нет, не должна. Дверь в лабораторию тоже была мощная и на хороших уплотнителях от пыли.

– Она нэ… неплохо готовит, – чуть застенчиво улыбаясь, отвечает Генетик. Да, нет никаких сомнений, он гордится тем, что подцепил такую по-настоящему яркую женщину, и то, что уполномоченный это отметил, ему льстит.

Горохов осматривается. У Генетика всегда и везде был бардак. А теперь даже пыли на стеллажах нет, и он говорит:

– А ещё твоя Марта у тебя убирает.

– Она чи-чистоплотная. Да, – Валера снова преподносит это как свою заслугу: вот она у меня какая.

– И ходит в этих своих шортиках по дому и все убирает, – понимает Горохов.

– В до… в доме жарко, в чём ей ещё ходить. И она не терпит грязи.

– Не терпит грязи… А ещё, я готов спорить – она прекрасна в постели, – произносит уполномоченный игривым тоном.

– Кэ… кэ… кэ… к чему ты клонишь? – Валерик стал задумываться.

Но уполномоченный не ответил ему на вопрос, а задал свой:

– А как ты её нашёл?

– Она… Она пришла ко мне со своим родственником.

– С родственником?

– С мальчиком. У-у него была прострелена рука, кости в труху… ниже локтя сосуды порваны, нерв то… тоже, в-врач хотел руку ампутировать. Но я взялся восстанавливать.

– А этот мальчик ей кем… доводился…? – Горохов едва успел договорить, как тяжёлая дверь открылась, и в лабораторию протиснулась Марта с подносом, на котором стояли чашки и только что сваренный, отлично пахнущий, запах ни с чем не спутать, чай из побегов белой колючки. Редкий чай. Дорогой. Насыщенный кофеином. Рядом на блюдцах кислые кактусы. Такие с чаем ест Наташа вместо того, чтобы постоянно принимать препараты от степной проказы. В степи-то их немало, но здесь, в Городе, куда их нужно доставлять неувядшими, они стоят денег. Не всем по карману.

«Поднос, чашки! Побеги, кактусы… Богато живёт бедный Генетик! Ну, я-то ладно, мне отлично платят, ещё кое-что время от времени привожу из пустыни, я могу себе позволить, а он откуда берёт? Неужели врачебная практика столько приносит? Бандиты платят?».

Из специального чайного ковшика она разлила им крепкий чай по чашкам. При этом искоса бросила нехороший взгляд на Горохова. Изучала его. И, разлив чай, спросила:

– А вы, Андрей… Мне Валера говорил, что вы инженер, воду ищете.

– Больше занимаюсь буровыми работами, чем поисками, – отвечал уполномоченный, беря свою чашку.

– Я тут у Валерия месяц живу, вас до сих пор не видела, наверное, бурили где-нибудь?

– Угу, бурил. – Горохов отпивает чай, терпкий, но не горький, отличный цвет, отличный вкус.

– А где? – не отстаёт Марта. Подала Валере чашку с чаем и не ушла, встала рядом с ним и смотрит на уполномоченного. Ждёт ответа.

«Нет, она, скорее всего, сама по себе, если бы её кто к Генетику приставил, она была бы умной. Сразу постаралась бы его друзьям понравиться, была бы милашкой, а эта закогтилась в богатого инвалида и теперь свою «добычу» охраняет даже от его друзей, – Горохов поглядел на Валерика, тот, кажется, был доволен своей белокурой и бойкой женщиной. Шортики, маечка, полные сильные ноги, личико приятное. Аппетитная. – Ну, конечно, бабёнка-то огонь, для него просто несбыточная мечта, которая вдруг осуществилась».

– Бурил у Ярино, – отвечает он. – Месяц там в жаре парился. Только сегодня приехал.

– Ну и как, нашли воду? – не отстаёт Марта.

– Мало, – говорит Горохов, – не промышленное количество. Так – местным попить.

– Понятно, – произносит Марта многозначительно.

Что ей там понятно, Горохову остаётся только догадываться. Но женщина продолжает:

– Пойду делами займусь.

Она трогает Валеру за плечо, он тоже прикасается к ней. С нежностью гладит ей руку. Горохову от такой милоты аж сердце защемило. Он чуть поморщился и подумал:

«Да, бабёнка прожжённая, здесь надолго. Надо же, всего на месяц отлучился, а он уже обзавёлся женщиной».

Когда она закрыла дверь, он сразу говорит:

– Кажется, Институт тебе что-то ещё платит?

– Д-да, – кивнул Валера. – Немного платят, как внештатному сотруднику. А вот за т-т-технологию протоплазмы нэ… нэ… ничего не дали.

Горохов несколько секунд думает, машинально тянется к подносу, берёт с тарелки кислый кактус. Кусает его, а потом опять спрашивает, спрашивает тихо, хотя тут они были одни, а дверь была закрыта. Но чем чёрт не шутит…

– Слушай, а тебе ещё не предлагали перебраться на Север?

– На Север? – Валера удивлён, и по этому удивлению уполномоченный понимает, что он не врёт. – Да, как туда пэ… перебраться? Туда же не попасть. Гэ… гэ… говорят б-болота не пройти.

– Я имею в виду – перебраться официально, получить визу, переехать как положено. Никто тебе такого не предлагал? – уточняет Горохов.

– Нет. – Валера качает своей лысой головой.

Это кажется Горохову странным. Север, при всей своей закрытости и недоступности, скрупулёзно и тщательно отбирает самых толковых и самых талантливых людей к себе, оставляя на границе и в Оазисах бесполезных, больных и заурядных. Там, на севере, перенаселение, обрабатываемая земля уже заселена, говорят, что и еды, добываемой в море, тоже не хватает, но уполномоченному казалось, что такому самородку, как Валера Генетик, там, за болотами, на далёком прохладном Севере, место должно найтись.

Глава 10

– Так кем эта твоя Марта доводилась тому парню с простреленной рукой? – снова спросил Горохов, допивая отличный чай из красивой чашки.

– Д-да не помню я, но, если нэ… нужно, я могу уточнить, – Валера, кажется, был удивлён этим интересом уполномоченного.

– Нет, ни в коем случае, – произнёс тот и поставил пустую чашку на поднос. – А твоей работой она интересуется?

– Она мне помогает, к-конечно…

– Наверное, она умная, всё схватывает на лету, – догадался Горохов.

– К че… к че… к чему ты к-клонишь? – спросил Генетик.

– Валера, ты, что, совсем тупой? – вопросом на вопрос ответил Горохов, глядя на него пристально.

– А что?

– Ты выяснил, откуда она, кто её семья? Где жила до этого?

Генетик молчал, он начинал понимать уполномоченного.

– Ну, ты хоть фамилию её знаешь? – не отставал от него Горохов.

– Ре… Рябых.

– Рябых? Марта Рябых? – уполномоченный подумал, что сочетание имени и фамилии нелепое, а значит… скорее всего, имя настоящее. Или взято у настоящего человека. – А как звали её родственника с простреленной рукой?

– В-Володя. Его звали…

– Володя… И всё, ты у него фамилию даже не спросил?

Кажется, первый раз за всё время, что Горохов знал его, доброжелательный, услужливый и скромный Валера Генетик смотрел на него насторожённо, нехорошо смотрел.

«Ну вот… Теперь я буду тем, кто пытается встать между ним и его счастьем». Горохов вздохнул, чуть наклонился к нему и начал говорить:

– Валера, подумай сам. Ты человек, который обладает уникальными знаниями. Я думаю, что даже парням из Института ты рассказал вовсе не всё, что знаешь. Правильно?

Но Валера не ответил ему. И тогда уполномоченный продолжал:

– Раз они всё равно держат тебя на содержании, не отпускают, значит, и они так думают. Они понимают, что ты знаешь больше. Уж поверь мне, в этом Институте не дураки сидят.

– Т-ты думаешь, за мной следят? – наконец спросил Генетик.

– Я не думаю, я знаю, – отвечал ему уполномоченный. Возможно, он немного превышал свои полномочия, но тем не менее продолжил. – В Трибунале мой руководитель меня спросил, какие такие биомодернизации я проходил в твоей лаборатории. Понимаешь? Они в курсе твоей деятельности.

Валера смотрел на него теперь растерянно, может даже, немного напуганно.

– Кстати, меня, наверное, спросят, что я в себе улучшил? А я толком и не знаю ничего, кроме того, что ни разу не упал от теплового удара при семидесяти градусах.

Тут Генетик оживился:

– Ну, в-видишь… Ра… работает же.

– Наверное, – согласился уполномоченный.

– А как т-ты себя чувствовал?

– Плохо, всё время ловил себя на ощущении, что меня вот-вот накроет тепловой удар. Солдаты, что были со мной, те из палатки не вылезали, я как-то что-то ещё

мог делать…

– Вот, вот видишь… Технология пэ… пэ… пэ…

– Пришлых, – догадался Горохов.

И Валера согласно кивнул.

– Если заставят писать отчёт, в чём её суть?

– Д-долго рассказывать. Дело в защите бе… белка.

– В двух словах. Можешь?

Генетик опять кивнул:

– Толщина ме… мембраны клетки. Увеличиваем. При полном сохранении возможностей. Утолщаем мембрану, но только за счёт внутреннего объема, межклеточное пространство остаётся тем же, а в некоторых тканях даже увеличивается. В гладких мышцах, например. Вода, питательные вещества, всё сохраняет свой нормальный об… объём. Питание клеток, обмен веществ не нарушается. Ни-никак. А клетка лучше защищена от… от всего. У даргов так. У них в-выше общая плотность тканей.

– Их тяжелее убить, пуля попадает даргу в брюхо, а он потом ещё бегает час по песку, – заметил уполномоченный, – из-за этого?

– Д-да, ткани меньше подвергаются разрушениям в результате механических повреждений. Это очень к-крутая те… технология.

– А ты её точно сначала испробовал на себе? – уточнил уполномоченный. Когда Валера убеждал его пройти процедуру, он не рассказывал, что будет менять что-то в его клетках. Он просто сказал, что Горохов будет легче переносить жару. И жажду.

– Не… не волнуйся. Ещё два года назад я её опробовал на себе. Тебе не… нечего волноваться. В-видишь, со мной всё в порядке!

Это было излишне смелое замечание, но уполномоченный не стал улыбаться и сказал:

– А я не заметил в себе каких-то… выраженных перемен.

– А ты ещё и не… не… не… обновился до конца, я не могу с-сказать точно, на сколько процентов т-ты обновился. Я за д-д-д-два года… Почти на шестьдесят процентов.

– То есть в тебе за два года стало шестьдесят процентов новых клеток? – уточнил уполномоченный.

– Угу…. Я у-уже могу не пить с-сутки. М-м-могу не включать кондиционер ночью, мне-мне не жарко, я спокойно сплю. Это М-Марте он нужен.

– И никаких побочных… ну, никаких негативных фактов ты не заметил?

– Т-ты заметил… Я поправился. Стал м-много есть. Стал тяжелее. И это при том, что у м… мэ… меня п-почти не увеличилась доля жи… жи… жира в организме.

Это не успокоило Горохова, он был сейчас взволнован, сейчас он пытался понять, чувствует ли он хоть что-нибудь необычное внутри себя. Нет, он не чувствовал, может, поэтому и был немного зол на себя. За то, что перед тем, как дать согласие на обновление, не поговорил с Валерой как следует. Он хотел продолжить этот разговор, но Генетика сейчас волновала совсем другая тема. Белки, клетки, мембраны… Ерунда всё это, его волновала сейчас… Ну конечно, Марта.

– Слушай, А-Андрей, а ты вправду думаешь, что Марта может быть кем-то подослана?

Горохов оторвался от своих волнений, клеток и внутренних ощущений, посмотрел на Генетика и стал наливать себе ещё сильнее заварившийся чай из ковшика, и лишь потом ответил:

– Думаю, но никогда нельзя полагаться на одни мысли. Я вот согласился на твой эксперимент, подумав, что в этом нет ничего страшного. Согласился, ни хрена

не узнав, не взвесив, а теперь сижу дрожу и мечтаю не превратиться в дарга.

– В ма… в ма… в модификации точно нет ничего страшного, – успокоил его Генетик, – ты… ты не станешь даргом…

– Ну слава Богу.

– Андрей…

– Да.

– А как ты д-думаешь, кто мог бы подослать ко мне Марту? – Валерик всё не мог успокоиться.

– Валера, – сделал паузу уполномоченный, – да кто угодно. Могли и наши, мог Институт, всякие местные влиятельные люди, даже Север. Я думаю, что Север скорее всего. Их интересует всё, что связано с пришлыми, Институт получает от них большие деньги за любую информацию о проказе, о мутациях, о всяком таком. Северные платят деньги даже за живых даргов. Теперь, думаю, и за новых ботов будут платить.

– Думаешь, она может быть послана людьми с Севера? – как-то грустно спросил Генетик.

– Валера, ещё раз говорю – не знаю. Вообще-то она, по идее, если здесь на задании, должна со мной быть ласкова. А она у тебя вон какая задиристая. Может, я и ошибаюсь. Так что всё нужно проверять, я проверю, а ты пока делай вид, что этого нашего разговора с тобой не было.

– Пэ… пэ… понял.

– Всё идёт, как и раньше. Она для тебя всё та же добрая, любимая Марта с классным задом.

– П-понял, – Валера невесело кивнул.

***

Возвращаясь домой в пыли, по забитой транспортом дороге, тянущейся вдоль реки, он думал обо всём, что узнал от Валеры. Горохов немного волновался по поводу этой биомодернизации, на которую так опрометчиво, а может, и к счастью, но уж точно необдуманно, согласился. А ещё думал о Марте Рябых. Он был почти уверен, что эта бабёнка появилась у Генетика неслучайно. А может, кто знает, ловкая и сексуальная женщина просто подцепила неказистого мужичка с большим домом, у которого к тому же водятся деньжата.

А дома его ждала Наташа. Она сразу сказала, как только он вошёл:

– Звонила Анна. Просила передать, что завтра в половине седьмого совещание.

Аня. Эта девушка работала в «Буровом Оборудовании и Насосах», где уполномоченный числился инженером, а она работала там секретарём. Это была не простая девушка. В этой же фирме, помимо Горохова, числились ещё два уполномоченных, работали они там внештатными проводниками, и Аня, будучи допущенной к тайне, осуществляла прямую связь между офисом Трибунала и уполномоченными. Она не могла позвонить просто так. Если ему не дали даже отдохнуть – значит, в его рапорте руководству что-то показалось интересным. Нет, он не волновался, отцам-комиссарам не в чем было его упрекнуть. Старший уполномоченный был уверен, что они нашли что-то особенное в его материалах, иначе не стали бы его вызывать из положенного отпуска так чрезвычайно.

Ещё до назначенного времени Горохов был на месте. Мощный бетонный забор с колючей проволокой, у автоматических ворот простая вывеска: «Автобаза Алтуфьева». Ворота открылись, как только уполномоченный притормозил возле них. Он сразу въехал и по уже отлично знакомому ему маршруту заехал в одно из больших зданий.

Трибунал. Горохов оставил квадроцикл среди других машин, кивнул человеку в стеклянной будке на входе, стал подниматься по лестнице.

Время у него было, до совещания ещё полчаса, сидеть в своём маленьком кабинете ему не хотелось, поэтому он пошёл в самую роскошную часть помещения Трибунала, в зал отдыха, в котором обычно собирались уполномоченные и оперативники из тех, что работают в «поле». В общем, те люди, что не часто сидят в кабинетах, а больше таскаются по пескам, рискуя жизнью. По установившимся правилам, комиссары и другие большие чины

Чрезвычайной Комиссии сюда приходили лишь по приглашению, на какие-нибудь юбилеи, поминки или проводы заслуженных товарищей.

Горохов хорошо знал всех тех, кто был сейчас в зале. Комаров, Линников, да ещё замначальника Оперативного Отдела Мирошник. Они бездельничали, наверное, были выходными, так как Тамара, пожилая и в прошлом заслуженная женщина, с лицом, порченным проказой, как раз ставила перед ними на невысокий столик бутылку водки из кактусов, рюмки и тарелку с нарезкой закусок и солёными крекерами из тыквы.

– О, Андрей! – воскликнул Мирошник. Этот оперативник служил в Трибунале давно и имел полное право говорить старшему по званию Горохову «ты». Он не раз работал над исполнением приговоров с Гороховым, и Андрей Николаевич, в своих рапортах упоминая работу Мирошника, всегда отмечал скрупулёзную и качественную оценку ситуации в локации, где скрывались «клиенты» уполномоченного. Оперативник махнул ему рукой. –Иди к нам.

Горохова приглашать два раза необходимости не было. Ведь, по сути, этот зал отдыха был единственным местом, где он мог спокойно поговорить, даже поболтать, расслабленно покуривая и не думая, что, как и кому говорит. Не взвешивая каждое слово. Не оценивая последствия сказанного. Тут все были свои.

Глава 11

– Андрей, выпьешь? – предложил уже поседевший в делах, собирающийся на пенсию Комаров.

Конечно, перед совещанием с начальством пить нежелательно. Да ему и не хотелось пить водку с утра. Но это были его боевые товарищи. Конечно, он мог отказаться, и они его бы поняли, но он решил немного выпить с ними. Уважить соратников по борьбе.

– Вы прямо с утра начинаете, – произнёс Горохов, по ковру передвигая нелёгкое кресло к их столику.

– А мы уже сегодня отработали, – заявил Мирошник.

Андрей Николаевич поздоровался за руку со всеми, в том числе и с молодым Линниковым, который только недавно был взят на работу в Трибунал. Кажется, из армейской разведки.

– Ну, наливайте, – согласился Горохов, забирая чистую рюмку у подоспевшей Тамары.

Пока молодой Линников разливал, Горохов спросил:

– А как это вы с утра уже успели поработать?

– Да накидали планчик небольшой. Должен сработать, – отвечал Комаров, беря рюмку. – Ну, давайте… За тех, кто в степи!

Все взяли рюмки, молча выпили, это был обычный первый тост всех застолий, в которых выпивали члены Трибунала. Первую рюмку они пили за тех, кто сейчас на задании, вторую за тех, кто с заданий не вернулся. Выпили, стали закусывать. И Горохов, взяв кусочек кислого кактуса, подумал, что может помочь коллегам, и спросил:

– А что, дело намечается сложное?

– Всеми сложными делами у нас занимаются старшие уполномоченные, типа товарища Горохова, – с усмешкой отвечал Комаров. – А у нас так, мелочёвка, очередной тупорылый душегуб.

– Да, – поддакнул ему Мирошник, – не твой, Андрей, уровень. Кстати, а откуда ты только что вернулся?

– Я был… далеко. На юге, – он хотел сказать, что за Красноуфимском, но потом подумал, что даже коллегам этого знать не нужно. Тот блокпост, что там есть, – единственный в округе. Место секретное. Просто далеко, просто на юге.

– И как там? – спросил Мирошник.

– Да жуть, – ответил Горохов, съедая кусочек кактуса. – В один день к трём часам дня уже семьдесят два градуса.

– Да ладно? – не поверил Комаров.

– Только у термитников и спасался, – продолжал Андрей Николаевич. – Вода почти не помогает. Солдаты… Со мною было пять человек, троих из них накрыло тепловыми ударами. Они днём из палатки вообще не выходили.

– Семьдесят два днём? – первый раз за весь разговор заговорил молодой Линников. – А ночью тогда сколько?

– Ниже сорока двух не опускалось.

– И вправду жуть, – согласился Комаров. Он взял бутылку и начал снова разливать синюю жидкость по рюмкам.

Но Горохов накрыл свою рюмку рукой:

– Мне хватит.

– Нет? – уточнил Комаров, не убирая горлышка бутылки от посуды.

– Нет, – старший уполномоченный качнул головой. – Меня из отпуска отцы-командиры на совещание вызвали. Что-то срочное у них.

– Принял, – сказал Комаров.

А молодой Линников вдруг произнёс:

– А я думаю, может, для этого вашего совещания в Трибунал приехали северные.

Все старшие товарищи дружно уставились на него, Комаров перестал разливать водку: ну, говори.

И Линников продолжил:

– Я когда в гараже парковался, видел, как из квадроцикла вышли двое. Баба высокая, сто процентов не наша. Рост больше ста восьмидесяти, и мужик тоже на нашего не похож.

– По росту бабы определил, что северные? – сразу уточнил Мирошник; здесь, на юге, рослые женщины встречались редко.

– Ну, и по росту и по тому, что они даже в помещении маски не снимали.

Это было верное наблюдение. Северяне намного хуже сопротивлялись степной проказе, чем южане. И считали, что маска помогает предотвратить заражение.

– Так, парни, – Горохов сразу встал, – вы тут отдыхайте, а я, пожалуй, пойду выясню, зачем меня вызвали.

Недавно принятый на должность уполномоченного Линников оказался прав. Северные прибыли по его душу.

***

– Андрей Николаевич, – секретарь Бушмелёва сразу остановился возле него, – Евгений Александрович просит вас пройти в малый зал заседаний.

«Малый зал заседаний». Место, где проходят заседания или совещания небольших групп людей. Людей с высоким доступом секретности.

Так и вышло, в зале был только Бушмелёв, его непосредственный руководитель. Первый Комиссар Воронин Фёдор Леонидович, тихая и молчаливая стенографистка Люба. А ещё два человека, которых Линников опознал как людей с Севера. Опознал, безусловно, верно.

– Проходи, Андрей, проходи, – позвал его Бушмелёв, когда Горохов остановился в дверях.

Уполномоченный подошёл к комиссару, поздоровался с ним за руку, потом подошёл к Первому комиссару. Тот тоже протянул руку и почти по-приятельски

спросил:

– Ну, ты как?

– Все в порядке, товарищ Первый комиссар.

– Это наши друзья, сотрудники Института, – Воронин указал рукой на высокую, худощавую женщину и атлетичного мужчину. На сей раз они оба были без масок. Видимо, доверяли фильтрам на местных кондиционерах. Больше Первый рассказывать про них ничего не стал. Сотрудники Института, и всё.

– Кораблёва, – представилась женщина и протянула ему свою узкую, прохладную ладонь. Женщина, на взгляд уполномоченного, была не только высокой, но и излишне худощавой. Возраста неопределённого. Лицо… невыразительное. Ничего сказать о ней было нельзя, кроме того, что она прожила большую часть своей жизни вдалеке от песка и имела полный набор медицинских препаратов, чтобы содержать кожу в идеальном состоянии.

– Горохов, – так же лаконично ответил уполномоченный, пожимая ей руку. Он хотел уже выпустить её, но она продолжала держать его ладонь.

– Можете звать меня Евгения, Андрей Николаевич.

– Хорошо, – согласился уполномоченный. – Так и буду звать вас.

– А меня зовут Антоний Тормышов, – второй северянин улыбался ему и тоже протягивал руку. В другой руке он держал портфель. Эта улыбка северянина почти ничего не значила. Горохов не любил северян. Наверное, за снобизм, а ещё за самомнение. Горохову казалось, что они всегда думают, что всё знают лучше этих диких степняков, жителей оазисов и даже Горожан, проживающих в огромной агломерации между Березниками и Соликамском.

– Господа, всё готово, – произнёс Бушмелёв, приглашая всех садиться за стол.

Все так и сделали, Горохову было отведено место в конце стола. Справа и слева от него уселись северные. Первый комиссар сел во главе стола, справа от него сел Бушмелёв. Стенографистка села у стены на свободный стул.

Когда все расселись, Кораблёва подняла руку и сказала негромко:

– Думаю, что стенограмму вести нет необходимости.

– Поддерживаю, – сразу сказал за нею Тормышов.

– Регламент, – просто произнёс Бушмелёв.

– Думаю, на этот раз можем отойти, – неожиданно согласился с гостями Первый комиссар.

«Ах вот даже как». Уполномоченный был немало удивлён. Он понял, что разговор намечается и вправду интересный.

Бушмелёв молча обернулся назад, взглянул на стенографистку, Люба сразу встала и вышла из зала, не проронив ни слова, а мужичок со странным именем Антоний открыл портфель и вытащил из него несколько бумаг. Карты. Сложенные карты, а ещё, Горохов узнал ее сразу, это была копия его рапорта. Копию Тормышов положил перед собой и почти без подготовки начал, заглядывая в бумаги:

– Андрей Николаевич, такого-то числа вы находились в командировке.

Уполномоченный взглянул на своего командира: что, можно всё рассказывать этим двум? Бушмелёв едва заметно кивнул: да.

– Да, я был в командировке.

– В вашем отчёте вы указываете, что вам пришлось спуститься на юг, почти на сто пятьдесят километров южнее Красноуфимска.

– Да, – Горохов согласился, но ему не понравилось, что его рапорт назвали дурацким словом «отчёт». Северные, что с них взять.

– А с какой целью вы забрались так далеко на юг? – спросила его на этот раз женщина.

– С целью выполнения поставленной передо мной задачи, – сухо ответил уполномоченный. Раскрывать нюансы дела перед этими двумя он не собирался, даже с разрешения руководства. В самом деле, ну не рассказывать же им, что два бандита сумели выяснить, что за ними пришёл уполномоченный, и кинулись на юг, в пустыню, и что ему и сопровождавшим его армейцам в течении восьми дней пришлось их догонять.

– Хорошо, – согласилась с таким ответом Кораблёва. – Я просто хочу уточнить, в ваше задание первоначально не входило так далеко углубляться на юг?

– Нет, не входило, мне пришлось это сделать вследствие некоторых обстоятельств.

– Вы не описали, как там было. Ну, что вам бросилось в глаза. Какова там степь? – заговорил Антоний.

– Предгорья, много камня. Камень мёртвый, на нём ничего не растёт. Он днём, как мне кажется, раскаляется… ну, градусов до ста. Я через подошву его чувствовал. Живности мало, саранчи мало, тли тоже немного. Птиц не видел вовсе, варанов тоже, сколопендры попадаются, но редко. Термитники есть, их много, но две трети из них уже белые.

– А что это значит? – уточняет Тормышов.

– Это значит, что они заброшены, – поясняет уполномоченный. – Растительность есть, но и её мало. В основном колючка, кактус розалия, но и тот чахлый. Даже для него жарко.

– А песок? – спрашивает Кораблёва.

– Песок как песок, – не понял вопроса уполномоченный.

– Красный?

– Он там, в предгорьях, всегда красный.

– А как вы перенесли жару? – интересуется Антоний. – Вы пишете, что зафиксировали в один день семьдесят два градуса.

– Очень тяжело, люди, что были со мной, прятались под кондиционер, я копал себе норы у термитников.

– Но тем не менее, вы пишете, что там вы имели контакт с даргами, – продолжает северянин, заглядывая в бумаги. – Как они умудрялись выживать при таких температурах? Тоже рыли ямы возле термитников?

– Я понятия не имею, как эти твари там выживают, но ям у термитников, кроме своих, я не видел.

– Их было много?

– Две молодые семьи, – почти сразу ответил уполномоченный.

– А откуда вы знаете, что было две семьи и что они были молодые?

– Общее количество человек десять. Опытных воинов было мало, двое или трое, они меня пытались загнать на камни, отрезать от барханов, но у них ничего не выходило. Слишком много молодняка, молодняк бестолковый, неосторожный, сам лез на пулю.

– Вы успели их разглядеть?

– Успел, они три дня меня гнали, после того как я выполнил задание.

– Что-нибудь новенькое у них было, ну там, кожа темнее, пятен больше, волосы на головах плотнее обычного?

– Нет, – Горохов покачал головой. – Ничего подобного не заметил.

– Жаль, – с заметным разочарованием говорит Тормышов, он снова начинает заглядывать в бумаги.

– Нам бы очень хотелось такого южного теплостойкого дарга видеть у себя в Институте, – поясняет Кораблёва.

Уполномоченный разводит руками: ну уж извините – не прихватил с собой ни одного.

– Хорошо, – медленно произносит Тормышов, всё ещё что-то читая в бумагах, и, найдя в них то, что нужно, оживляется, – вот что ещё нас интересует. Тут, в отчёте лейтенанта Гладкова, есть место, где он рассказывает, как в радиосообщении вы просили его зафиксировать координаты некоего места.

«Какие же вы проворные! – Горохов просто восхищён этими северянами. – Вы уже и рапорт лейтенанта добыли!».

– Ну, я в рапорте всё указал.

– Да-да, но нам бы хотелось знать о том месте поподробнее. Вы пишете, что это участок степи, окружённый большим барханом, и грунт на этом участке плотный…, – он поднимает глаза на уполномоченного. – А из него растут обугленные деревья.

«А, вот что вас заинтересовало. Из-за этого вы так быстро прибежали. А дарги – это всё так… Мелочи!».

Глава 12

– Ну, может, и не деревья, что-то похожее на них.

– А вы видели когда-нибудь деревья? – спрашивает Кораблёва.

– Только на картинках.

– Как вы нашли это место? – снова говорит Тормышов.

– Случайно наткнулся. Увидел стену песка…

– Какой высоты?

– Пять, местами шесть метров в высоту.

– Это могла быть обычная дюна. Почему это гора песка привлекла ваше внимание? – северянин спрашивает, а его спутница на чистом листе бумаги фиксирует ответы Горохова.

– Я сначала так и подумал, мне показалось, что это дюну намело на скалистую гряду, там такое повсюду – предгорья, но когда я подъехал ближе, понял, что это не так.

– Что вы сделали?

– Остановился, включил радиометр.

– Интересно. Почему вы включили прибор, что вас натолкнуло на это действие? – спросила Кораблёва, отрываясь от бумаги.

– Опыт, – просто ответил уполномоченный. Он не стал развивать свою мысль, а северяне не стали его расспрашивать об опыте.

– Значит…, – продолжал Тормышов. – Вы увидели деревья?

– Ну да… Подъехал ближе, стал рассматривать их.

– Вы пишете, что перебрались через этот большой бархан и спустились вниз.

– Да. Пошёл посмотреть эти деревья.

– Насколько вы приблизились к дереву?

– На метр.

– И что вы увидели?

– Увидел, как из длинной трещины на стволе вытекала прозрачная капля.

– Она стекала по стволу?

– Нет, висела.

– То есть это была не вода? – все вопросы задавал Тормышов, отвечал на них Горохов, все остальные в зале молча слушали, Кораблёва при этом все ответы Андрея Николаевича быстро записывала.

– Нет, не вода. Она была вязкой, сохраняла форму.

– Вы пытались с нею взаимодействовать?

– Попытался прикоснуться к ней ножом. Она сразу втянулась в щель.

– Как втянулась?

– Ну как… Втянулась. Внутрь, и всё.

– И больше не показывалась?

– Нет, – Горохов полез в карман и достал сигареты. Кажется, он в этом помещении был единственный курящий, но Бушмелёв сразу подвинул к нему пепельницу.

Тормышов дождался, пока уполномоченный закурит, и продолжил задавать вопросы:

– А эта капля… Она висела с солнечной стороны?

«Зачем ему это?». Горохову начинало казаться, что этот тип с севера просто дурачится. Хотя… Конечно, дурачиться он не мог.

– По-моему…, – уполномоченный на секунду задумался. – Да, я подошёл с западной стороны, а солнце ещё только поднималось.

– Значит…? – Тормышову было недостаточно сказанного.

– Значит, капля находилась в тени.

– Что произошло потом?

– Потом я решил убраться оттуда.

– Причина…, – Тормышов снова читает бумаги, – повышенная радиация. Но у вас не указаны цифры и характер излучения.

– Я пользуюсь стандартным радиометром.

– Значит, гамма-излучение, – Кораблёва оторвалась от бумаг. – Какой уровень вы зафиксировали?

– Не помню. Кажется, сто сорок.

– Сто сорок микрорентген? – уточняет Кораблёва.

–Ну, – уполномоченный опять задумался. – кажется, сто сорок два.

Она записывает, а её коллега снова спрашивает:

– И после этого вы уехали?

– Да, после этого я уехал, – говорит Горохов, надеясь, что теперь-то уж разговор можно и закончить и пойти в зал отдыха, выпить ещё рюмашку-другую с товарищами.

Но нет, эти ребята так просто его отпускать не собирались. После обнадёживающего раздумья Тормышов снова начинает задавать вопросы:

– А вы не видели ночью сияния в том районе?

– Сияния? – Горохов не понимает. Он делает затяжку и, выпуская дым, уточняет: – Сияния луны?

Луна в те дни была хороша. Это уполномоченный помнит отлично.

– Нет, не луны, – говорит северянин. – Ночью вы не видели сияния в том районе, где вы нашли эти чёрные деревья?

– Я не понимаю, о чём вы говорите, – произносит Андрей Николаевич.

Тут снова берёт слово Кораблёва:

– Ну, вот если подъезжать ночью с юга к Березникам, то над городом стоит… свечение. Свет. Его видно издалека.

– Ну, видел. И что?

– Ничего подобного вы не замечали по ночам над тем местом, где видели деревья?

Горохов задумывается; бездонное звёздное небо, огромная луна – всё это было. Какое-то необычное свечение?

– Нет, не помню, – наконец говорит уполномоченный.

И женщина, и мужчина смотрят на него если с не сомнением, то уж точно с непониманием: как можно было не видеть сияния?

Но уполномоченному всё равно, он делает вид, что всё сказал, в надежде, что его отпустят.

Признаться, у него давно были мысли насчёт попытки получения визы для переезда на Север. Мало кому это удавалось. Среди его знакомых, во всяком случае, таких людей не было; тем не менее, он думал об этом. Ему хотелось

узнать, как выглядят деревья, какова на вкус редкая еда, как выглядит и пахнет море – говорят, у него какой-то специфический запах, – хотелось попасть в те места, где днём температура не переваливает за сорок.

У него было кое-что скоплено. Скорее даже, кое-что существенное, что могло повысить его шансы на получение визы. А ещё он сделал много полезного для Института. Например, доставил двух живых ботов, один из которых был мыслящим, и, помимо этого, много разного генетического материала для исследований. А ещё редкого умника, генетика-самоучку, который, с его, конечно, слов, помог Институту разработать какую-то новую технологию. Которую он, Горохов, кстати, дважды испытал на себе. Тоже заслуга.

Да и как настоящий знаток пустыни, проводник и оперативный сотрудник с огромным опытом, он мог представлять немалую ценность. Он знал, что давно находится, что называется, «в списках» у сотрудников компетентных органов Севера. В общем, некоторые шансы перебраться на Север у него были. Поэтому уполномоченный теперь терпеливо ждал, глядя, как северяне тихо переговариваются между собой. Он не торопясь докурил сигарету, тщательно затушил окурок и покосился на отцов-командиров. Те тоже были полны терпения. Тоже ждали. И тогда Тормышов, выслушав Кораблёву и согласно покивав, повернулся к уполномоченному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/konofal-skiy_boris/reyd-oazisy-vyhod

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить